

ДАМСКИЕ
ДЕТЕКТИВЫ

АЛИНА РОМАНОВА

НОЧЬ С РОСКОШНОЙ
ИЗМЕННИЦЕЙ

Крепка как смерть любовь

Новый
РОМАН

Галина Владимировна Романова

Ночь с роскошной изменницей

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167395
Ночь с роскошной изменницей: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22915-4*

Аннотация

Если бы Соня знала, какими неприятностями обернется утренняя прогулка, она тихо сидела бы дома и не высовывалась... Ей не пришлось бы доказывать свою непричастность к убийству – ведь, выгуливая собаку, она наткнулась на труп лучшей подруги Тани, четыре года назад сбежавшей за границу с ее женихом и мамиными деньгами! Да, мама Тани полюбила Соню как родную и даже сделала своей наследницей. Но это не значит, что Соня способна на преступление. Вот только у милиции совершенно иное мнение на этот счет. И перед девушкой открылись врата ада...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	72
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Галина Романова

Ночь с роскошной изменницей

Глава 1

– Распишитесь здесь, пожалуйста. – Красивые длинные пальцы с коротко стриженными ногтями ткнули в нижний угол серого листа казенной бумаги.

– Здесь? – Соня судорожно вздохнула, старательно отводя взгляд от накрытого белой простыней тела.

Самого тела видно не было. Торчали лишь босые окоченевшие ступни с ярко накрашенными ноготками и волосы, буйной волной выбившиеся из-под простыни. Сколько ни пытались приехавшие оперативники прикрыть их – ничего не выходило. Жесткие непослушные каштановые пряди упорно не желали быть спрятанными...

– Да, да, здесь! Что это вы, девушка, будто впервые труп видите! – насмешливые карие глаза равнодушно скользнули в том направлении, куда она старалась не смотреть, но все равно то и дело косилась. – Обычное же дело – смерть проститутки! Так рано или поздно они все заканчивают.

Может быть, может быть, но...

Но как-то не вязался у нее облик законченной проститутки с обликом той погибшей девушки, которую она сегодня поутру обнаружила, выгуливая Муську.

Вот ведь угораздило, а!

Все как будто ополчилось против нее! Все, включая отличную погоду, погнавшую ее сегодня на берег озера!

Ведь выгуливала последние две недели чужую беспородную Муську за забором чужой дачи совершенно бесхлопотно, можно сказать, с удовольствием! Нет же, именно сегодня, в день своего отъезда, угораздило пойти прогуляться.

Прогулялась, называется!

А может, надо было слушать внутренний голос, а?! Всегда же слушала, чего сегодня оглохла?! Что там он ей сегодня с утра шептал? Вспомнить бы, вспомнить...

Так как там все это было поутру?

Муська, как обычно, бесцеремонно ухватив край легкого одеяла, потянула его на себя, смешно по-собачьи попятилась к двери. Так, все так и было, дальше...

Она ежилась еще каких-то минуты три-четыре, не больше. Потом свесила ноги, позволила Муське потереться о них жесткой рыжей шерстью. Взяла в руки поводок, который умная псина приволокла сама. Пристегнула к ошейнику, потом...

Все правильно, потом она начала одеваться.

С полузакрытыми глазами доплелась до стула в дальнем углу, стащила с него спортивные штаны, кофту с огромным

карманом на животе и капюшоном. Надела носки, пригладила пятерней волосы. Покосилась на себя в зеркало и сочла, что гриву все же надо приструнить.

Кудри, будь они неладны, приходилось напомаживать, разглаживать, вытягивать специальными щипцами. На день обычно хватало. С утра – просто кошмар. С утра все ее усилия сводились на нет матушкой-природой, волосы снова скручивались спиралью, и грива очень сильно смахивала на львиную.

Так, она убрала волосы в хвост. Надела кроссовки. Вышла из спальни и начала спускаться вниз по лестнице, на ходу увещевая Муську, норовившую запутаться в ее ногах.

Прошла через кухню, успев ущипнуть крохотный кусочек дыни. Открыла заднюю дверь. Вышла на улицу и...

И ничего! И никаких внутренних треволнений она в это утро не почувствовала! Никаких голосов, никакого шепота. Никто не предостерег, не позаботился, не обезопасил. Вот она, надышавшись до ярких кругов в глазах густого хвойного духу, позвала Муську пробежаться по берегу.

Пробежались!..

– Девушка, пройдемте со мной.

В ее локоть впились те самые тонкие пальцы с короткими ногтями, что минуту назад тыкали в серую казенную бумагу, призывая ее в ней расписаться.

Соня отвела наконец глаза от каштановых прядей, в беспорядке разбросанных по траве, и попыталась сосредото-

читься на том, кто настойчиво тащил ее к милицейскому «уазу».

И чего он, спрашивается, прицепился именно к ней?! Полно же зевак собралось, невзирая на раннее утро.

Вон и молодежь, что снимала домик через один от ее, поживаясь, выбралась на воздух. И пожилые супруги, кажется, никогда не выпускавшие из рук бидончик и плетеную корзинку, тоже здесь. И молодожены, непонятно с какой блажи решившие провести свой медовый месяц именно здесь, тоже подошли. Полно же народу, а он в нее вцепился.

– Почему? – удивились насмешливые карие глаза, пробирающие насквозь ее откультивированную и доведенную до совершенства выдержку. – Так с вас-то все и началось, уважаемая Софья, как вас по отчеству?

– С меня?! – она просто задохнулась от такой протокольной вседозволенной наглости. – Что вы хотите этим сказать?!

– Ничего страшного, поверьте. – Тонкие пальцы оказались очень сильными и намертво держали ее локоток, постепенно увлекая ее к машине. – Просто вы получаете у нас единственным на теперешний момент свидетелем, так?

– Я?! Свидетелем?! Так я же ничего не видела!

Соня попыталась упереться подошвами кроссовок в землю и не позволять, чтобы всякие там тащили ее непонятно куда. Но трава от утренней росы была еще очень скользкая. Ноги от длительной прогулки и неожиданного, нежданного просто-таки потрясения плохо слушались. А руки у малого

были очень сильными, поэтому уже через мгновение она сидела на заднем сиденье милицейской машины и с возмущением выслушивала мягкую скороговорку кареглазого оперативника.

– Понимаете, теперь нам важно знать каждую мелочь. Ведь пока вы бегали в домик за телефоном... – последовала неожиданная пауза. – Кстати, а почему вы его не взяли с собой? Ведь логично же предположить, что, отправляясь на прогулку, молодая девушка должна...

– А я вот сочла, что не должна! – фыркнула Софья сердито и отодвинула свое колено от его, такого же настырного и наглого, как и его пальцы. – К тому же я не собиралась так далеко уходить.

– Почему же ушли?

– Потому что захотела! Это что, противозаконно?!

Она просто задыхалась от его нелепых вопросов. От глупой ситуации, которая вовлекла ее в непонятные протокольные разборки! Задыхалась от салонной вони, забивающей нос мужицким потом, дешевым табаком и кремом для ботинок, приторно отдающим «Тройным» одеколоном. И задыхалась еще от жалости к той девочке, труп которой нашла сегодня утром в траве.

Она не могла быть проституткой, как бы ни пытался убедить ее в этом нахальный кареглазый оперативник, представившийся Олегом Сергеевичем Сним-щиковым. Не могла!!!

Не то чтобы Соня так уж часто встречала в своей жизни

проституток, но...

По телевизору видела? Видела! В соседнем подъезде жила Сашка, зарабатывающая себе на жизнь как раз этим? Жила! И еще...

Ох, как не хотелось об этом вспоминать именно сегодня, как не хотелось, но что делать!

Однажды, когда по нелепой случайности Соне пришлось провести целую ночь в обезьяннике, она их видела там – этих женщин. Не одну и не две, а целую бригаду. Результат рейда, как отрапортовала одна из них, то и дело сплевывая на и без того загаженный пол. Соня провела целую ночь бок о бок с проститутками. Слышала, о чем они переговариваются. О чем горюют, чем озабочены всерьез, а чем так себе, не особо заморачиваясь.

Короче, представление имела, что конкретно собой представляют дамы древнейшей профессии.

Найденная ею убитая девушка не была похожа ни на одну из них!

– А на кого, по-вашему, она похожа?

Олег Сергеевич на какое-то время зажмурил свои насмешливые глаза.

Господи, ей сразу стало легче дышать! И это, проходя – как он изволил выразиться – по делу свидетельницей! Что было бы, заподозри он ее хоть в чем-нибудь?! Да он бы испепелил ее своим сарказмом, он пробивал бы брешь за брешью в ее самообладании и путал бы, и навязывал свое мнение, и

заставлял бы в него поверить...

Вот опять он, едва распахнув глаза, сразил ее наповал очередным гнусным вопросом:

– Откуда, позвольте поинтересоваться, у вас такое знание, как именно должна и может выглядеть путана, уважаемая Софья, как вас по отчеству, все забываю?

– Не позволю, – огрызнулась она и тут же забилась в угол, поближе к двери и подальше от его вездесущих глаз и коленей. – Не позволю вам поинтересоваться, уважаемый Олег Сергеевич, помню все же ваше отчество, представляете!

Кажется, ей удалось его смутить. Правда, ненадолго. Он очень быстро нашелся и снова ее уколол, или как там на их профессиональном языке это называется.

– Вы сказали мне, что собака не ваша, так?

– Допустим.

– Дача тоже, стало быть, не ваша? Та самая дача, откуда вы поутру выбрались прогуливаться с чужой собакой? Я правильно понял ваши слова? – Теперь Олег Сергеевич смотрел не на нее, а в окно на толпу зевак, будто выбирал себе новую жертву.

– Правильно, дача не моя. Собака тоже не моя. Но я не выбиралась оттуда, а... А просто вышла через дверь.

– Через которую? В том доме, насколько мне известно, два входа. Тот, что ведет с крыльца. И тот, что...

– ...с кухни, да, правильно! Через нее – через заднюю дверь – я и вышла, а не выбралась, подчеркиваю, выгуливать

собаку.

– Как вы там оказались? Почему вы жили в отсутствие хозяев на чужой даче и выгуливали при этом чужую собаку? У вас имеются при себе документы, удостоверяющие вашу личность и удостоверяющие ваше право на проживание в чужом доме?

Его вопросы сбивали ее с толку, они были слишком двусмысленными и, как ей казалось, заведомо пытались обвинить ее в чем-то. И на какой-то момент ей даже стало страшно. И пришло глухое раздражение на саму себя, рьяно кинувшуюся выполнять дурацкий свой гражданский долг.

Ну, нашла она мертвую девушку, и что с того? И ведь даже не сама нашла, а Муська, которая принялась лаять на чью-то босую ногу, выглядывающую из травы по щиколотку. Была бы умной, взяла бы собачку на руки. Не полезла бы в траву. Не помчалась бы потом на дачу за мобильником и не стала бы, путаясь в кнопках, набирать номер службы спасения.

Она все сделала, как надо. Так она тогда считала. Вызвала милицию. Вернулась на место, где обнаружила труп. И проторчала там потом еще минут сорок, пританцовывая от нетерпения и ужаса.

Дотанцевалась, что называется!

– Удостоверение личности у меня имеется, но оно в доме! На даче, то есть! – выпалила Соня с обидой.

– А почему не с собой? – задал очередной нелепый, на ее взгляд, вопрос Олег Сергеевич и снова глянул так, что

затошнило.

– А у кого хватит ума, отправляясь гулять с собакой, хватать в полшестого утра с полки паспорт? – возмутилась Соня. – К тому же мы с Муськой всегда гуляли возле забора под соснами, а сегодня...

– Да, именно! – Ох, как он обрадовался, даже разулыбался от удовольствия, что уличил ее хоть в чем-то. – Что же сегодня погнало вас к озеру? Это, если не ошибаюсь, почти полтора километра, а? И как насчет документов, удостоверяющих право...

– Послушайте, Олег Сергеевич!

Все, ему все же удалось лишить ее самообладания, которое она укрепляла в себе, пестовала и подпитывала любым уроком, преподносимым ей жизнью. Все моментально изничтожил этот протокольный тип с веселыми, казалось бы, карими глазами. Все перемешал и переиначил.

– Послушайте, Олег Сергеевич! – снова повторила Соня, уже с трудом сдерживая слезы. – Какое может быть удостоверение, подтверждающее личную дружбу, а?! В каком таком органе выдают справку, что такой-то или такая-то очень привязаны друг к другу и...

– Вы привязаны к Анне Васильевне?! – Он сделал удивленное лицо, продолжая пододвигать свои крепкие коленки к ее. – Поверил бы, будь вы подругой ее дочери! Но Анна Васильевна и вы – подружки? Не верю, уважаемая Софья...

– Андреевна! – выкрикнула она с чувством; все, она его

уже почти ненавидела. – Андреевна мое отчество, которое вы все никак не можете запомнить! Можете не верить, но Анна Васильевна очень ко мне привязана! Потому что... Потому что...

И она совершенно не к месту расплакалась!

Зачем было показывать свою слабость и боль, утихшую пару лет назад? И перед кем?! Перед этим сухим, бесчувственным и надменным типом, прикрывающимся милой смешинкой в карих глазах!

Разве есть ему дело до того, что случилось уже давно? У него тогда и звания-то наверняка никакого не было. Ни звания, ни опыта, ни умения задавать свои выворачивающие душу вопросы. Только все перечисленное и бывает нажитым. Все остальное...

Все остальное нужно пережить, вымучить, выстрадать и постараться забыть со временем.

– Софья Андреевна, успокойтесь, прошу вас, – усталым голосом попросил Олег Сергеевич, и ей на ладонь белым лепестком упал бумажный носовой платок. – Вытрите глаза и давайте все снова, по порядку.

– Я уже все рассказала вам, – возразила она гнусаво, зажав нос платком. – Я пошла гулять с Муськой! Погода была прекрасная. Сегодня мне надо было уезжать. И я решила пойти прогуляться напоследок. И пошла напрямиком к озеру. Ну, нравится мне это место, что здесь такого, не пойму?!

– Да нет, ничего, – с поразительной покорностью согла-

сился Олег Сергеевич. – Что дальше?

– А дальше...

Тут она внезапно насторожилась. Вдруг забылось ко всем чертям, в какой именно последовательности она рассказывала ему об этом в самый первый раз. Тогда, когда он только выпрыгнул едва ли не на ходу из этой вот самой машины и пошел к ней, тревожно осматривая все вокруг.

Как именно она рассказала ему тогда обо всем?! Что сначала, а что потом?! Ведь сейчас привяжется к деталям и снова начнет выворачивать душу наизнанку, перекраивая на нужный ему лад все реалии.

– А дальше... Дальше я, кажется, смотрела на воду. А Муська вдруг принялась громко лаять. Я пошла к ней. Смотрю, нога. Я полезла в траву, а там... Я побежала в дом за мобильником, позвонила вам. Вы приехали, и... и началось!.. Что вы ко мне пристали, не пойму?! Разве я что-то не так сделала?!

– Все вы сделали так, Софья Андреевна, – перебил он ее с непонятным чувством, какая-то человечность, что ли, проскользнула на этот раз. – Все так... И если бы не...

– Что? – Соня посмотрела все же на него.

– Вы хорошо рассмотрели погибшую? – вопросом на вопрос ответил Олег Сергеевич.

– Нет! Я и вовсе на нее не смотрела! Точнее... Лица... Лица я не видела... Одежду рассмотрела очень хорошо, все чистенько, дорого, стильно, поэтому я и решила, что погиб-

шая...

– Не проститутка? – закончил он за нее, потому что Соня внезапно замялась, слишком часто за минувшие томительные минуты она произносила это непристойное слово.

– Ну, да!

– А лица вы не видели?

– Нет.

– Потому-то и не узнали, очевидно. – Он снова прикрыл глаза.

– Не узнала кого?

– Дочь Анны Васильевны, – коротко ответил оперативник и впился в нее взглядом без намека на улыбку.

– Таню??? Вы хотите сказать, что это... Там... – Соня принялась тюкать пальчиком по оконному стеклу милицейской машины в том самом направлении, где распластался на траве под белой простыней труп неизвестной девушки. – Что там лежит Таня?! Вы это хотите сказать?!

– Именно, уважаемая Софья Андреевна. – Олег Сергеевич глубоко вздохнул. – Та самая Татьяна, которая уже как четыре года числилась без вести пропавшей. И та самая, чье место подле Анны Васильевны с некоторых пор заняли вы. А теперь давайте подумаем вместе, что у нас с вами получилось, и попытаемся вспомнить, как и при каких обстоятельствах вы видели погибшую в последний раз...

Глава 2

Танюша Сочельникова всегда была ее подругой. Сколько себя помнила Соня, столько она помнила рядом с собой Танюшу. Они так долго, так тесно и так преданно дружили, что со временем их стали принимать за родных сестер. Обе рыжеволосые, обе длинноногие, с удивительными голубыми глазами. Правда, волосы у Сони вились от природы, а Танюшка вечно мучилась с бигуди.

Детский сад, школа, институт с замороченной специальностью химической технологии полупроводниковых металлов, который Соня закончила блестяще, а Танюша...

Взяла и оборвала учебу на третьем курсе. Ни причины, ни объяснения, ни просто мало-мальски толкового разговора по этому поводу у Тани с матерью не состоялось.

Анна Васильевна Сочельникова – женщина от природы властная, удачливая и не в меру своей половой принадлежности деловая – пребывала в глубоком ступоре почти полгода. А через полгода решила вдруг по непонятной причине отселить от себя дочь в другую квартиру.

– Пускай поживет одна, прочувствует, почем фунт изюма, тогда вот и поговорим! – рокотала она под сводами собственной двухуровневой квартиры, тыча в Соню пальцем. – Ты ей не пример, оказывается! Ты не так красива и удачлива, получается! А она!.. Она хочет крутить задницей всю жизнь?!

Думает, что это будет помогать всегда?! Вот и поглядим, что из этого выйдет!..

Ничего путного из этого не вышло. Ничего!!!

Танюшка поначалу идею матери восприняла с радостью. Щebetала, собирая вещи. Прыгала по новым комнатам, благо мать не поскупилась и купила ей «трешку». С воодушевлением носилась вместе с Соней по магазинам, скупая цветочные горшки, ненужные панно и плакаты с глупо улыбающимися красавицами. И даже новоселье устроила. И готовили они по старой дружбе вместе. И плова было много, пельменей, которые вручную лепили два дня подряд, закусок, колбас и сыров. Водки почти не было. Было что-то другое, отчего новые друзья Татьяны, после очередного захода в ванную, становились все веселее и веселее. Что это было, Соня поняла много позже. В тот вечер ей было не до этого. Она майской пчелой носилась от огромного стола в гостиной на кухню и обратно, меняла тарелки, подкладывала новые порции уже съеденных блюд, потом мыла, чистила, развешивала выстиранные полотенца. И ничего почти не замечала.

Излишней задумчивости подруги Соня нашла объяснение, оказавшееся очень выгодным для них обеих.

Соню оно избавляло от лишней головной боли – и так устала.

Татьяну избавляло от лишних объяснений, которые она так не любила.

Расстались, как всегда, обнявшись, расцеловавшись и

обещая друг другу не пропадать, звонить, забегать, заходить.

Что Соня первое время и делала исправно. Звонила, заходила, забегала, даже если катастрофически не хватало времени. Не беда! Она же обещала не забывать любимую подругу! Она и не забывала. Она все и делала так, как обещала. Правда, со временем все чаще отделялась одними звонками.

Ну не хватало этого проклятого времени! Хоть убей, ни на что не хватало!

Родители постоянно требовали внимания к себе. Опять же новое знакомство, которое казалось на тот момент весьма перспективным. Защита диплома. Распределение, которое нужно было еще заработать. А чтобы заработать, надо было себя зарекомендовать.

Тянулась из последних сил, не замечая, как стремительно листается настенный календарь.

Вдарило по тормозам в тот самый день, когда перспективный со всех сторон молодой человек по имени Никита, очень выгодно тянувший на кандидатуру ее возможного спутника жизни, вдруг объявил, что уезжает в Германию. Она – идиотка наивная – так обрадовалась, что запела, закружилась, открыла дверцу шкафа и начала швырять в остолбеневшего Никиту своими вещами.

– Это подойдет твоей Германии, а? – смеялась от счастья Соня. – А в этом я как возле Рейхстага? Подойдет?

Потом присмотрелась и поняла, что с Никитой творится

что-то не то. Парень покрылся холодным липким потом, отчего его тонкая сорочка плотно прилипла к крепкой груди. Соня тут же перестала смеяться, бросаться в него юбками и кофточками, присела и спросила...

Потом много раз ругала себя. Вот не спросила бы, думала, может, и пронесло бы. Посопел бы, попотел бы, а потом, глядишь, и одумался, взял бы ее с собой. А когда спросила, куда же ему было деваться! Он и ответил честно, что едет туда один. И что ее взять с собой ну никак не получится.

Она бы и ничего, подождала бы и уехала к нему, когда бы получилось, не задай ему следующего невероятно глупого вопроса.

И Никита – непорочная душа – снова ответил ей честно. Что не ответить, спросила же!

Да, мол, ждет его там франкфуртская красавица с пышной белой косой и белой пышной грудью. Шутка, конечно же, и про грудь, и про косу. Но девушка у него там была. Ждала и жаждала выскочить замуж за молодого, красивого и очень-очень перспективного.

Не вышла она за него замуж! Не срослось и не получилось у них интернациональной семьи. Никита тут же бросился опять в Россию и в ноги Соне бросился, и пенял ей и корил за то, что так торопилась с вопросами своими. Не знала бы ничего, жила бы в неведении, как бы все удачно у них сложиться могло.

Соня не простила. Она как будто умерла в тот день, ко-

гда он ей во всем признался. Превратилась в куклу-робота без чувств, без любви, без волнений, с одним лишь чувством долга. Этот долг заставил ее с блеском защититься. Устроиться на работу и проработать там по сегодняшний день.

– Буду делать карьеру! – заявила она оторопевшей Татьяне, глядя на нее сухими горящими глазами. – К черту любовь, к черту семью, всех мужиков к черту! Твоя мать прекрасно обходилась без всего этого всю свою жизнь. И смотри, какая она!!!

– Какая? – вяло поинтересовалась тогда подруга, не разделяя Сониных восторгов.

– Самодостаточная, вот!!! Ее ничто не способно сломить, у нее все есть! Она обо всем позаботилась! Мне, если честно, очень хочется быть такой, как она. Она ведь... Она ведь, Танюша, если подумать, очень хорошо защищена от боли всем тем, что создала! Защищена...

Это была их последняя с подругой встреча. Самая последняя. Больше она не видела Таню... живой. Оказалось, что сегодня увидела мертвой, но не рассмотрела, не узнала.

– Вы мне не верите?! – ужаснулась Соня, глядя в макушку Олега Сергеевича. – Вы мне не верите? Почему?!

– Давайте поговорим об этом в отделении, хорошо? – промямлил он как-то неуверенно и полез из машины. – Вы подождите меня. Никуда не отлучайтесь.

– А... а как же Муська?! Мне ее можно будет забрать? – переполошилась сразу Соня, вспомнив про забытую всеми

собаку, чей отчаянный лай носился сейчас по поляне перед озером. – Что с ней будет?

– О ней позаботятся, не беспокойтесь. Здесь есть соседи Анны Васильевны, они за собачкой присмотрят. А вы посидите пока в машине, Софья Андреевна. И не поднимайте шума, я вас очень прошу.

И Олег Сергеевич, выбравшись из машины, громко захлопнул за собой дверь. Словно приговором пригвоздив ее стуком этой захлопнувшейся двери. Словно уже обвинил.

Так! Стоп! Ее что же – арестовывают?! О, господи, нет! Это неправильно! Это же несправедливо! Она же не виновата ни в чем! Она ведь только... Только собаку вышла поутру выгулять. И совершенно случайно наткнулась на труп молодой девушки, с чего-то вдруг оказавшийся трупом ее пропавшей без вести подруги.

Соня выглянула в окно милицейского автомобиля, который ей категорически запретили покидать.

Народу собралась тьма-тьмушая. За понурыми головами пожилых пенсионеров, тех, что не расставались с бидоном и плетеной корзинкой, уже маячила голова Виктора Гавриловича – соседа Анны Васильевны по огороду. И голова эта то и дело сокрушенно покачивалась из стороны в сторону. Внуки его прибежали – два сорванца-близнеца, обладающие уникальной способностью разносить новости по дачному поселку со скоростью, опережающей средства массовой информации. Молодая вдова какого-то бизнесмена, застреленно-

го прямо у нее на глазах полгода назад, почти вприпрыжку подбежала к толпе и тут же ухватилась за сердце, очевидно, услышав новость из первых уст. И народ все подходил и подходил. Охали, ахали, всплескивали руками, косились в сторону накрытого простыней тела, и еще в сторону милицейского «уазика» косились тоже.

Вот ведь! Теперь ни за что ни про что запишут в преступницы! Пока еще разберутся. Пока еще выяснят, кто убил, за что убил.

А так хорошо утро начиналось.

Муська... Бедная осиротевшая Муська, неизвестной породы неизвестных родителей, подобранная Анной Васильевой на улице перед собственным подъездом, разбудила ее, как обычно. Стянула с нее одеяло. Притащила ей свой поводок, выволокла ее почти спящую на улицу. Побегала вокруг всех сосен, мягко пружиня маленькими мохнатыми лапами по опавшей, слежавшейся десятилетиями хвое. Задирала то и дело хитрую лисью мордочку вверх, то ли слушала шорох пушистых сосновых веток, то ли солнце высматривала, пробивающееся сквозь островерхие макушки. И все смотрела и смотрела на Соню с непонятым призывом. Словно подначивала пойти прогуляться к озеру.

Они и пошли. Долго шли, не торопились. Муська – умная собачка – не стремилась забежать вперед, трусила тихонько сбоку. Словно понимала, что это последняя их совместная прогулка. Последняя...

Какой тяжелый смысл таит в себе это длинное зловещее слово! Сколько в нем безысходности и никакой надежды! Абсолютно никакой!

Почти последняя встреча с Никитой. Когда он добросовестно, потея и волнуясь, отвечал на ее нелепые ненужные вопросы, попутно перечеркивая все надежды на их совместное счастливое будущее. Потом была еще одна, но она не в счет. Их будущее со счетов уже было сброшено.

Последняя встреча с Татьяной, когда она...

Ох, как было снова тяжело вспоминать об этой встрече. Как тяжело!

Она же – чертова кукла-робот – ничего не поняла тогда, ничего не рассмотрела и не заметила. Полностью погруженная в собственные проблемы, сосредоточенная на программе самореализации с последующим самоутверждением через самодостаточность, она не заметила, что с Татьяной творится неладное.

Вялый разговор, неопределенное пожимание плечами. Неряшливый вид, чего никогда прежде Таня не могла себе позволить. Странно выглядела и заметно опустевшая квартира, не было даже занавесок на окнах. И цветы, те самые, которые они скупали в самом начале охапками и расставляли на широченных подоконниках, тоже исчезли. Будто... Будто она не собиралась больше жить в этом доме.

Она там больше и не жила. Она просто-напросто исчезла, испарилась, успев переписать свою квартиру на каких-то

странных людей со странной фамилией Осипиани.

Анна Васильевна потом долго с ними судилась, пытаясь вернуть недвижимость, пытаясь обвинить их в странном исчезновении дочери, ничего не вышло. Люди оказались вполне приличными. На момент исчезновения Татьяны в неизвестном направлении находились в Москве на научной конференции каких-то очень сложных наук.

Милиция, побившись с месяц, начала Анну Васильевну избегать. В конце концов ей посоветовали нанять частного детектива. Та совет приняла буквально и все последующие два года только и делала, что выбрасывала деньги на ветер. А потом, в какой-то непонятный момент, вдруг смирилась, затихла и не бушевала больше и не сотрясала в воздух кулаками, не обвиняла неизвестных злоумышленников и органы правопорядка, не желающих – по ее мнению – добросовестно выполнять свою работу.

Затихла и спустя какое-то время все свое внимание, любовь и неизрасходованные средства вдруг перенаправила на Сою.

Ох, как ей это не понравилось, кто бы знал! Как ее это тяготило! Удручало и делало зависимой, но...

Но Анна Васильевна и слышать ничего не хотела.

– Ты одна у меня осталась, Сонечка. Одна! Ты очень похожа на Танюшу. Вы любили друг друга, как родные сестры. Так что будем считать, что ты моя вторая дочь. Я так устала от неизвестности, от постоянного ожидания, от сотни тру-

пов, которые мне пришлось опознать за эти годы. Все! Хватит, девочка моя! Хватит!!! Я решила так, раз Танюша пропала и так долго не появляется, то... Значит, ее больше нет в живых. Но мы-то с тобой живые люди, нам с тобой и продолжать жить. Вот мы и станем это делать с тобой сообща.

Этот разговор состоялся у них с Анной Васильевной около двух лет назад, ровно через два года после того, как пропала Татьяна.

Глава 3

Снимщиков Олег Сергеевич очень любил, когда на службе его называли по имени-отчеству. Пусть не созрел годами, пусть в звании солидном пока не состоял, но положением уже каким-никаким, но обзавелся. Какой тут, к чертям собачьим, может быть Олег?! И уж тем более Олежка!

Он еле-еле выползти сумел из этого имени, шлейфом тянувшимся за ним с самого детства, когда мать на весь двор кричала из окна:

– Олежка, домой!

Потом Олежкой он был в школе, потом в ПТУ, едва не стал им в институте, спасибо армии, сумела разбавить суровостью будней ласкающий слух буквенный набор.

Да, огрубел. Да, перестал быть нежным. Ну так со всеми таким быть и необязательно. Раньше был таким с матерью. Теперь же...

Теперь у него тоже появилось, куда растрачивать свою нежность, но только никакого отношения это к его работе и к его друзьям не имело. Это особая статья расходов запасников его души, и вход туда многим воспрещен. Если не всем!

Он превратился в Олега Сергеевича не как-то вдруг и не сразу. Пришлось поработать над этим изрядно. В ход пустил все, что мог, вплоть до неожиданной глухоты, когда его окликали по имени. Многие недоумевали, некоторые обижа-

лись, но со временем свыклись с мыслью и иначе как по имени-отчеству его не называли.

Вот и сейчас, заходя в кабинет к начальнику с докладом о вчерашнем утреннем происшествии в загородном поселке, он в который раз был приятно удивлен, услышав:

– А-аа, Олег Сергеевич, входи, входи, изложи, так сказать, суть да дело.

Веретина Игната Степановича второй год безуспешно пытались спровадить на пенсию. Мотивов была масса.

И годы немалые, и хватка не та, и попустительством в своем РОВДе занимается, вплоть до того, что его подчиненные в рабочее время в банях с красотками прохлаждаются.

Но одно дело хотеть, а другое мочь! С последним было как-то не очень, ибо в зятях у Веретина, говаривали, сам региональный прокурор значился.

Вот и отсиживал Игнат Степанович в своем кресле тот самый срок, который сам для себя определил и который ему региональный прокурор затребовал. Это он так шутить любил. И какие бы доносы наверх ни строчились, Веретину все было нипочем.

– Пускай пишут, – как-то шепнул он доверительно Снимщикову. – Мне на их писанину плюнуть и растереть. Когда сам решу, тогда и уйду!

Пока не решал...

Олег прошел по ковровой дорожке к столу Веретина, выдвинул стул с высокой спинкой, сел и тут же без лишних слов

принялся подсовывать начальству протоколы осмотра места происшествия, заключение экспертов и опрошенных свидетелей по делу.

– Че ты мне всю эту макулатуру суешь, понимаешь, Олег Сергеевич! – притворно возмутился Веретин. Не мог он начать сердиться с самого утра, к вечеру – всегда пожалуйста, а с утра не мог. – Ты давай в двух словах и поконкретнее. А то пока я очки найду, пока прочту все, глядишь, и обед наступит. А у меня сегодня дел невпроворот. Говори!

Такой подход к делу не был профессиональным, но был особенно любим Снимщиковым. Когда начальство желает тебя выслушать, когда ему интересна твоя точка зрения, это очень даже неплохо. Это очень даже замечательно! Лишь бы слушало, а точек зрения у него, как...

– Дело простое, – пожал крепкими плечами Олег и попытал указательным пальцем в один из листков. – Погибшая Татьяна Сочельникова.

– Погоди, погоди! – неожиданно перебил его Игнат Степанович. – Это уж не та ли Сочельникова, которую мамаша объявляла в розыск?!

– Она самая, – кивнул, Олег, внутренне поразившись памяти без пяти минут пенсионера. – Только, как понятно теперь уже, не пропадала она никуда, а просто в бегах была. Честно сказать, от такой мамаша убежишь!

– Что да, то да. Зверь баба. – Веретин ощутимо скрипнул зубами. – Сколько крови мне попортила, как вспомню!..

Влиятельная чертовка. Из-за нее меня едва-едва не... того, короче. Так и что там у нас с этой пропащей душой?

– Обширное кровоизлияние в мозг в результате удара тупым предметом в область затылка.

– Предмет нашли?

– Никак нет, Игнат Степанович. – Олег потупился, зная, как любит раскаявшихся Веретин. – Там озеро в паре метров от места, где нашли тело. Закинуть туда можно все, что угодно. Наверняка коряга.

– Да, а то че же! – по-стариковски поддакнул Веретин, залез в стол, достал оттуда коробку леденцов, закинул щепоть себе в рот и захрустел, приговаривая: – Станут заморачиваться, что ли? Преступник, он же умный сейчас пошел. Ударь он битой или чем-нибудь потяжелее, вмиг найдем. И в озере найдем. А коряга... Лежит она себе на дне и лежит, водичкой обмывается. И искать, думаю, смысла нет. Там небось этих коряг! Кто обнаружил погибшую?

– Думаю, тот, кто и убил. – Олег загадочно улыбнулся. – Дело только поначалу кажется запутанным. На самом-то деле все очень просто. Жили-были две подруги Таня и Соня.

– Так.

Веретин захрустел следующей партией леденцов, внимательно слушая молодого оперативника.

Тот ему не то чтобы очень уж нравился, просто спустили сверху указание о покровительстве, он и под козырек. А кто, что да почему, его это мало заботило. Ему бы еще го-

дик-другой в своем кресле продержаться, а на все остальное ему глубоко плевать.

– Таня имеет крутую маму, у Сони самые заурядные родители. Потом вдруг Таня исчезает. Мать ее долго и безутешно страдает, но в какой-то момент вдруг начинает понимать, что жизнь продолжается, и всю свою нерастраченную любовь обращает на подругу своей дочери.

– Та-аак. – С этого момента Веретину вдруг стало интересно слушать. – Так-так-так, и?

– И она начинает всячески покровительствовать этой самой Соне. Вывозит в свет, покупает дорогие подарки. Слышал, что готовится покупка квартиры. И про наследство вроде бы Анна Васильевна разговор вела, – зловеще понизив голос, проговорил Снимщиков.

– Это кто же говорит?

– Сосед по даче Сочельниковой. Есть там такой Виктор Гаврилович, презабавный дед. Так вот он ребятам и поведал, что будто бы Анна Васильевна собиралась буквально на днях оформить все свое имущество на эту самую Софью Андреевну.

– Ага! Понял, куда ты клонишь, мальчик!!! – обрадовался Веретин Игнат Степанович, почесав макушку.

Снимщиков, невзирая на непонятное покровительство, все же был толковым малым. Каждое порученное ему дело почти всегда доводил до ума. В тесной сцепке с прокуратурой работал, ни с кем не собачился, опыта набирался, вни-

мательно слушал и не грубил. Если окажется, что крыша у него и в самом деле ого-ого, то можно будет со временем пациенту свое кресло уступить. А кого еще ставить?! Одни дураки и алкоголики, брошенные женами. Сброд просто, а не отделение!..

– Хочешь сказать, что Соня эта, встретив на узкой дорожке перед озером внезапно воскресшую подружку, решила быстренько ее отправить обратно в небытие, чтобы завладеть всеми благами, которыми собиралась ее осыпать Анна Васильевна Сочельникова? – не переставая хрустеть леденцами, быстро вынес вердикт Веретин.

– Точь-в-точь! Игнат Степанович, вы просто гений! – польстил начальнику Снимщиков, обрадовавшись тому, что его точку зрения, кажется, разделяли, одобряли и принимали за версию. – Никто из обитателей близлежащих домов в такую рань никогда не выходил. Это утро не стало исключением. Постороннему пробраться на территорию поселка практически невозможно. Территория охраняемая, со шлагбаумом, охраной, собачками, все как положено. Никто в то утро, кроме Софьи Андреевны, по берегу не шел, не гулял, не купался. Выходит – она!

– А она что, эта твоя Софья Андреевна?

– Отпирается, конечно. Говорит, последнее утро решила прогуляться по берегу с собачкой. Только вранье все это, Игнат Степанович! – пылко воскликнул Олег и потыкал тонким пальцем несостоявшегося музыканта в следующую бумажку,

лежащую у него под локтем. – Каждое утро выгуливала возле домика, под соснами, а тут вдруг ни с того ни с сего помчалась на озеро. И мобильник с собой не взяла будто бы! Ладно паспорт, тут я еще поверю, но чтобы выйти без телефона на улицу и уйти за полтора километра от калитки на незнакомой территории... Не верю, хоть убейте! Врет она!

– И мотив налицо, – обрадованно подхватил Веретин. – Готовь бумаги для прокуратуры и... Слушай, Олег Сергеевич. Ты ведь, кажется, в отпуск просился?

– Просился, – кивнул Снимщиков, внутренне замирая. – А что? Проблемы?

– Да вот думаю, спихнем это убийство пропащей Сочельниковой, и можешь смело топать в отпуск. Как тебе, устроит?

Веретин нарочно называл Сочельникову не пропавшей, а пропащей, все никак не забывались ему неприятности двухлетней давности. Когда столкнулись поверх его головы несколько влиятельных особ, отстаивая кто своих протезе, кто свои интересы. Еле-еле тогда удержался в этом самом кресле, аж штаны задымились, настолько близок был к увольнению.

– Конечно, устроит, Игнат Степанович!

Снимщиков так обрадовался, что аж с места вскочил, еще минута-другая, и точно полез бы к Веретину с поцелуями. Вовремя вспомнил о субординации и о том еще, что давно огрубел, давно перенаправил свою нежность со всего неблагодарного человечества в одно-единственное русло. Но руку

все же протянул начальнику и тряс ее потом непозволительно долго, то и дело повторяя:

– Очень признателен, очень, Игнат Степанович! Спасибо вам! Огромное спасибо! А с убийством Сочельниковой, думаю, никаких проблем не будет! Прежде чем дело в прокуратуру отдавать, я с этой Софьей Андреевной лично поработаю.

– Уж поработай, Олег Сергеевич, уж поработай, – коротко улыбнулся Веретин, вспомнив о карцере в подвале, куда они обычно направляли молчунов.

Снимщиков вышел из кабинета Веретина едва не вприсядку.

В отпуск! Сейчас!!! О таком щедром подарке мечтать даже не приходилось! Ему же теперь весь отдел обзавидует. Снова шептаться начнут за его спиной.

Не успел прийти, сразу звание! Не успел толком поработать, тут же отдельный кабинет. Пускай и небольшой, прямо-таки крохотный, но все же отдельный.

Ну и пускай шепчутся, пускай злословят, ему от этого жарко, что ли? Жарко будет через недельку, когда он на острова отправится со своей...

Вот только стоило вспомнить о Таисии, как обдало теплой волной изнутри, и сразу засмеяться в полный голос захотелось.

Тая, Таечка, Таисия...

Любимая его, нежная его девочка! Как же он любил ее,

жаждал, лелеял! Только она после смерти его матери занимала то самое место в его сердце, которое отвечало за нежность, ласку и, наверное, любовь.

Да, несомненно, он ее любил! А как иначе, если думал о ней все время. Если постоянно ждал встречи с ней. И еще... Ему было очень удобно с ней, очень. Удобно и бесхлопотно.

Снимщиков вернулся в свой кабинет, больше напоминающий собой кладовку. Уселся за стол и тут же потянулся к телефону. Набрал, почти не глядя, знакомый номер и тут же замер с трубкой возле уха.

– Алло, – пропела Таисия мило и заспанно. – Алло, слушаю вас.

– Привет, – пробормотал Олег севшим до хрипоты голосом.

Постоянно вот так. Стоило ему ее услышать, как с голосом творилось черт-те что. Наверняка та самая нежность была тому виной, которую он испытывал к милой своей девочке. Второй ведь такой не было на всем белом свете.

– Олег! Ой, привет! – проворковала милая. – Который час? Я что-то разоспалась, даже не слышала, как ты уходил. Как дела?

– Дела? Дела, думаю, просто отлично. – Он улыбнулся, живенько представив ее в их общей постели.

– Да? А в какой связи? – Таисия звучно зевнула и закончила сквозь неоконченный зевок: – Повышение или как?

– Про повышение пока речь не шла, а вот про отпуск на-

чальство заикнулось, – осторожно начал Олег.

Давить на нее было нельзя. И раньше времени рассказывать о том, какие у него планы на этот самый отпуск, тоже. Пусть это будет для нее сюрпризом. Глупо же, согласитесь, рассказывать любимой женщине о том, что задумал на каком-нибудь солнечном берегу сделать ей предложение. Какой же это сюрприз, если она все будет знать заранее?

Нет. Он не скажет ей, как давно и как долго вынашивал в голове эту идею. Как сотни раз представлял себе тот самый вечер, перебирая множество вариантов.

Либо они выйдут в море под парусом. И когда земля уже скроется из глаз и они останутся совсем одни, он, волнуясь, достанет из кармана заветную коробочку с заветным колечком и скажет ей наконец те самые слова, которые, он был уверен, ждет с нетерпением каждая женщина.

Это должно было быть непременно очень красивым и запоминающимся на всю жизнь.

Белоснежная палуба. Мягкие волны, едва ощутимо плескающиеся о борт парусника. Низкое небо, унизанное миллионами звезд, и ее глаза, сияющие от счастья в тот самый момент, когда она скажет ему «да».

А если не будет парусника, тогда пускай будет уединенный столик в ресторане под открытым небом с такой же сумасшедшей россыпью светил, до которых, кажется, рукой подать, стоит только захотеть дотянуться. И снова ее сияющие от невероятного счастья глаза и короткое «да» в ответ...

– Отпуск? – Таисия неожиданно озадачилась. – Ты хочешь в отпуск, милый? Прямо сейчас?

– Да. Хочу, – признался он и рассмеялся ее удивлению. – А кто не хочет в разгар бархатного сезона! Каждый, кого ни спроси!

– Вот ты и спросил бы, – пробормотала Таисия, как-то не очень обрадовавшись.

– Да? А у кого? – Он все еще продолжал улыбаться, не почувствовав перемены в ее настроении.

– У меня для начала! – Ее голос повело на резкость. – Спросил бы, милый, для начала у меня, а хочу ли я сейчас в отпуск? Какие вообще у меня планы на ближайшие дни, недели, месяцы?

– Ну... Спрашиваю... – Он внутренне содрогнулся от непонятной перемены в ней. – Спрашиваю, милая, какие у тебя планы на ближайшие дни, недели, месяцы?

– Планов у меня очень-очень много, дорогой, – чуть сбавив обороты, проговорила Таисия и вздохнула. – И все они напрямую связаны с тобой.

– Вот и у меня тоже, – осторожно начал Снимщиков, но она снова перебила его.

– В мои планы сейчас совершенно не вписывается никакой отпуск, Олег, – тоном старой училки назидательно проговорила Таисия и чем-то зацокала в трубке, будто указкой по доске постукала. – Все мои планы сейчас – это твоя карьера, милый! Карьера!!! А это прежде всего работа! И ника-

кого отдыха, отпуска, безмятежного переворачивания с боку на бок на солнце. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, но... Но не совсем.

Он не на шутку озадачился ее разговорами о карьере. Он, конечно же, за карьеру, да. Причем двумя руками! И работать он готов, что, собственно, и делает с утра до ночи. Но ведь и отдыхать тоже когда-то надо. А если отдых напрямую связан с его планами на ее руку и сердце, то, как говорится, сам бог велел.

Где еще, спрашивается, он может сделать ей предложение подобного рода? На водонапорную городскую башню затащит и скажет: «Представь, милая, что мы в Париже!..» – так, что ли? Или в один из местных ресторанов поведет, где его и ее, кажется, всякий знает. И этот всякий непременно будет тарашиться в их сторону и наблюдать за тем, как он достает из кармана коробочку темно-вишневого бархата...

Нет, нет, нет!!! Это отвратительно до пошлости. Он так не хочет. Он хочет, чтобы непременно было красиво, чтобы запомнилось и передавалось из уст в уста, из поколения в поколение. Чтобы это стало со временем их семейной реликвией, легендой – это славное, красивое воспоминание.

– Что ты не понял, Олег? – снова резко заметила Таисия.

– Я не понял, что ты имеешь в виду, говоря о моей карьере.

Он совершенно размяк и расстроился и оттого, как она с ним говорила, и оттого, что все его планы, кажется, летят

в тартарары. К тому же каким идиотом он будет выглядеть в глазах Веретина Игната Степановича? Просил, просил отпустить, а потом вдруг решил отказаться? Что за детский сад, подумает он, и правильно, между прочим, подумает.

– И никакой не детский сад! – возмутилась Таисия. – И твой Веретин, между прочим, пускай бога и зятя благодарит, что столько времени переработал. Пора пришла...

– Пора какая? Для чего пришла? – насторожился Снимщиков и с опаской покосился на дверь.

Не любил он подобных разговоров в рабочих стенах по телефону, не любил. Мало ли, у чего и у кого есть уши! Но слишком уж заинтриговала его Таисия, чтобы он сейчас так вот сразу соскочил с этой темы, оставив ее до вечера.

– Пора уступить кресло молодым и крепким, милый, – с многозначительным смешком пояснила Таисия. – Как думаешь, кого я имею в виду? Не догадываешься?

– Нет, – соврал Олег, хотя сразу догадался, о ком речь.

О нем! Речь шла именно о нем! Его желает проташить будущий тесть в начальствующее кресло, потеснив Веретина.

Вот так так! Вот это новость! Ради такой новости можно и отдыхом на золотых песках пожертвовать.

Тонкая струйка пота резво сбежала по позвоночнику под брючный ремень. И спине тут же сделалось холодно.

– Таечка, милая, давай до вечера, а? – взмолился он, потому что она вдруг принялась развивать тему его скорого назначения, не особо церемонясь в выражениях в адрес ны-

нешнего начальника. – Не нужно такие вещи по телефону, хорошо?

Если она и обиделась, то никак этого не показала. Напротив, промурлыкала что-то милое и трогательное срывающимся шепотом. Вот за это, кстати, он ее тоже ценил.

Закинув руки за голову, Снимщиков оглядел свой кабинет уже совершенно другим взглядом.

Конечно, он был тесноват. Вырос он из этого кабинета по всем показателям, хотя и работал недавно. Что это за каморка – два на два метра! У некоторых раздевалка свободнее, чем его рабочий кабинет. Взять его тестя, к примеру.

Здесь только и хватило места для его рабочего стола со стулом да стула для посетителей. Конвойному иногда пристроиться негде, особенно если тот бывал габаритным малым. Вот кабинет начальника – это да! Там было где развернуться.

Ай да Таечка! Ай да молодец!

Он ей еще, собственно, никто. Не муж еще даже, а она уже о его карьере печется. Причем о какой карьере!

Теперь Олег точно был уверен, что она ответит ему «да». И даже яхты, плавно бреющей в мягких волнах, не понадобится. И низкого неба с зодиакальным ожерельем никто с него не потребует. Ведь все давно уже решено. Решено его избранницей и ее предприимчивым папашей. Последний был не дурак, и он, конечно же, а кто же еще, выбрал новое рабочее место для будущего зятя. Оставалось совсем чуть-

чуть. Просто немного постараться и не ударить в грязь лицом. Оправдать, так сказать, возложенные на него надежды.

Ничего, он не подведет! Он оправдает. И начнет прямо сейчас...

Девушку по имени Соня не просто привели к нему в кабинет. Ее впихнули туда. Точнее – втиснули! Сначала зашел один конвойный – двухметровый детина с гладко выбритым черепом и глазами, хоть ложкой доставай. Следом за ним растерзанная задержанная. А потом второй – такой же огромный и с таким же безжалостным лицом, что и первый.

Внимательно осмотрев задержанную, Олег недовольно поморщился.

Перестарались братишки. Покидали из рук в руки изрядно. И едва заметный синяк на скуле обозначился, и капюшон и громадный карман весь в грязи, будто ее в этой кофте по полу возили. Скорее всего так именно и было, потому как, присаживаясь на стул, девушка болезненно сморщилась.

– Что с вами? Вас били? – вдруг не к месту спросил Снимщиков, хотя не должен был спрашивать ее об этом, чтобы не провоцировать жалобы.

Последовал искрометный взгляд в сторону тюремщиков, судорожный вздох и испуганное дребезжащее:

– Не-еет.

Тогда он решил, непонятно из какого тупого упрямства, повторить свой вопрос с глазу на глаз. Выпроводил конвойных за дверь и повторил:

– Вас били? Почему вы морщитесь?

– Меня не били. – Она мотнула головой, и тут же губы ее задрожали. – Меня щупали!

– Что вас?! – изобразил искреннее изумление Снимщиков, решив уж теперь до конца быть деликатным, внимательным и сочувствующим. – Что вас, я не понял?

– Меня щупали, – почти выкрикнула Соня и стиснула коленками ладони, чтобы они не тряслись так заметно. – Мою грудь тискали, доставали из лифчика и выставляли на обозрение! Теперь вам понятно или нужны другие подробности?!

Та-аак! Девица была на грани истерики, а это никуда не годилось. Истеричная баба на допросе – что может быть хуже! Нужно было срочно спасти ситуацию, но как?

Хороший вопрос. И еще один тут же напрашивался: кто так поторопился с обработкой? Он ведь только успел вернуться от Веретина, который весьма прозрачно намекал на карцер. А тут уже и без карцера девушка того и гляди начнет биться в конвульсиях.

– Меня никогда так не унижали, никогда! – выкрикнула Соня, про себя подумав, что врать нехорошо лишь хорошим людям, а таким утонченным кареглазым следопытам сам бог велел. – Как посмели вообще до меня дотрагиваться?! Кто дал право этим мордоворотам касаться моего тела?! Я напишу жалобу прокурору, так и знайте! И вообще, я не стану с вами разговаривать без адвоката, вот!

Выговорила и тут же затихла, опустив голову.

А Снимщиков тут же мысленно попенял радивым тюремщикам. Ну, вот кто просил торопиться, а?! А то без них бы не разговорили красотку. Теперь вот возьмет и правда жалобу напишет, а оно ему нужно? Особенно теперь, когда он без пяти минут начальник отдела внутренних дел.

– Успокойтесь, прошу вас, Софья Андреевна, – пробормотал он как можно мягче и даже попытался улыбнуться, хотя презирал девицу дальше некуда. – Успокойтесь. Все вы успеете. И жалобу написать, и с адвокатом наобщаться. Статья у вас, скажем прямо, не очень...

– Что значит «статья»?! – Она побледнела так, что едва заметный синяк на скуле проступил особенно четко. – Какая такая статья?! Вы, что же, продолжаете меня обвинять?!

– Продолжаю, – кивнул он, откинувшись на спинку стула, скрестил красивые пальцы на животе и глянул на нее по-доброму, это тоже был один из его отлаженных трюков. – Более того... А хотите совет друга?

– А друг, стало быть, вы? – не хотела, да фыркнула она недоверчиво.

– Ну... Может, и не друг, но и не враг точно, – кивнул Снимщиков, откровенно рассматривая ее.

Девица была симпатичной. Даже очень! В меру рослая, в меру длинноногая. Грудью ее охрана тоже любовалась не зря, посмотреть было на что. Черты лица очень тонкие и очень правильные. Такие лица, Снимщиков знал по опыту, очень

фотогеничны, и ими обычно пестрят страницы женских глупых журналов с глупыми советами, типа, как удержать подле себя мужчину.

Таращит симпатичные глазенки такая вот симпатюлька со страницы, а под ее портретом ровные столбцы откровенно глупого текста.

Не будь навязчива... Не открывай до конца своих чувств, должна же быть в тебе хоть какая-то загадка... Будь терпима... Иногда ранима... В меру уравновешенна, в меру страстна... Не хвали никогда ему своих подруг...

Господи! Какой бред! Кто станет следовать таким советам?! Кто сможет жить в соответствии с ними?! Да никто! Даже те, кто их придумывает! Все диктует жизнь и обстоятельства. Все, без исключения!

– Так что там с вашим советом? – не выдержав его откровенного рассматривания, спросила Соня.

– Пишите явку с повинной, – брякнул тут же Снимщиков, не меняя положения и не переставая глазеть на нее.

– Что??? Явку??? С повинной??? Вы в своем уме?!

Она просто задохнулась от такой подлости. Просто обезумела в первое мгновение, замешкавшись с ответом.

Это он ей так по-дружески, да?! Дружеским широким жестом распахивает двери темницы и ласково, опять-таки из дружеских побуждений, подталкивает ее туда, так?!

Это было много гаже, чем гадкие пальцы конвоиров на ее груди. Много паскуднее, чем их гадкие слова и предложе-

ния, которыми сопровождалась их тисканья. Потому что это было подло, неправильно и совершенно не совпадало с его образом утонченного порядочного парня, каковым он ей до сих пор представлялся. Даже сейчас, предлагая ей затянуть на собственной шее петлю, он почти ласкал ее своими улыбчивыми карими глазами.

– Нет! Ни за что! – отчеканила Соня, поджимая губы и уговаривая себя вспомнить о собственной теории самодостаточности и самообладания. – Мне нужен адвокат, и точка!

– Адвокат так адвокат, нет проблем. – Олег нехотя расцепил пальцы и так же нехотя потянулся к телефонному аппарату на краю стола.

Что вот, дурочка, делает, и сама не знает! Сейчас заберут ее охранники, отволокут в карцер, а там не мед, там холод и мокрицы по стенам. Ночью кто-нибудь самый рискованный непременно к ней туда наведается и что сделает с ней, одному богу ведомо. И еще хорошо, если он один такой желающий будет.

Ну что же, ну что же... Как пожелает. Не хочет в общей камере ночевать, пускай ночует в карцере.

Снимщиков снял трубку, сделал вид, что набрал номер, и тут же заговорил деловито и проникновенно, якобы со знакомым общественным адвокатом. И даже встречу на следующее утро назначил в собственном кабинете с подследственной. Трубку через минуту положил на место, глянул на нее коротко, заметила или нет, что врет как сивый мерин. Вро-

де проехало. Вроде поверила его деловитому трепу. И хотя адвокат ей был и без того положен, он и будет уже завтра у нее, разыграл все это опять-таки из желания расположить к себе симпатичную колючку.

Колючка, а то кто же! Мириться она со своим положением не хочет, а кто хочет? Кому же захочется после такого трамплина да носом об землю! Только-только госпожа Сочельникова собралась облагодетельствовать девицу, купив ей квартиру, оставив все нажитое непосильным и нечестным трудом ей в наследство, так тут такой казус в лице неожиданно ожившей дочери. Тут кто хочешь ощетинится. Тут у кого хочешь нервы сдадут. И у нее – у Сони этой симпатичной – они не выдержали и сдали. И убила она подругу...

– Я не убивала Таню! – очень ровно и очень твердо выговорила она, прервав размеренное течение мыслей Снимщикова. – Вы можете фабриковать дело, можете обвинять меня в чем угодно, но доказать... Доказать у вас не получится!!!

– Да? – Снимщиков очень ловко изобразил изумление. – Это почему же?

– Никаких следов борьбы вы не найдете, – зачем-то сказала она первое, что взбрело в голову, запомнилось, наверное, откуда-то из криминальной хроники.

– Как же так, Софья Андреевна! А синяк у вас на скуле! Разве это не след борьбы? А ваш расхристанный, пардон, вид? Это тоже не след?

– Так это же!.. – Она снова задохнулась почти до слез от

его вероломства. – Это же ваша охрана, черт побери, меня лапала!!!

– Угу, угу, – кивнул Снимщикова и тут же вернул ей ее слова с гадкой ухмылкой. – Только доказать это у вас не получится, Софья Андреевна. Не получится, будьте уверены!

Глава 4

Он долго мыкался по городу в поисках той самой необыкновенной бутылки шампанского, которую ему непременно хотелось ей сегодня преподнести.

Все ведь только для нее – для его девочки, милой, нежной, сообразительной. К ней не заявишься с заурядной бутылкой за восемьдесят рэ. Это пошло! Поэтому и носился по городу на своем «Вольво», отметившем солидный юбилей еще в прошлом десятилетии.

Что-то требовалось необыкновенное, что-то удивительное для его Таисии. Да еще в такой-то вечер!..

Пока отправлял подозреваемую в карцер, пока разгребал бумажные завалы, отвечал на звонки, все думал и думал. Маялся в сомнениях, маялся, а к концу рабочего дня созрел-таки.

Или сегодня, или никогда!

Сегодня он сделает ей предложение, которое мечтал прошептать чуть ближе к экватору. Кольцо давно было куплено, с этим проблем не могло возникнуть. Оставалось прикупить немного соответствующей случаю атрибутики и...

– Привет, любимая, – шагнув через порог ее квартиры, Олег без лишних слов вложил ей в распахнутые руки шикарный букет неперменных роз и потюкал пальцем по красивому деревянному пеналу. – Доставай бокалы, дорогая.

Таисия не казалась удивленной, напротив, она светилась удовлетворением. Может, и правда давно ждала, а? А он все случая искал, место выбирал по карте, дурак!

Неподражаемо женственным жестом она пристроила цветы на круглом столике в холле и пошла в столовую за вазой.

Да! В ее квартире все было именно так!

Не было коридора либо прихожей, был холл. Не было кухни – имелась столовая. «Зала», вылепленного десятилетиями совковым нашим сознанием, тоже не существовало. Была гостиная, стоившая десятка хрущевских залов. Еще имелось две спальни, кабинет и крохотный будуар, куда два раза в неделю прибегали услужливые парикмахеры, массажистки и маникюрши.

Да, с таким шиком, размахом и в таком довольствии жила его любимая Таисия. И... он так тоже жить хотел.

– Милый, что у тебя в коробочке, вино или шампанское? – пропела Таисия из столовой, тоненько позванивая посудой.

– Шампанское, милая, – на подъеме ответил Снимщиков.

Быстро глянул на себя в зеркало, провел пятерней по волосам, задрал руку, принюхался, потом вроде не успел пропахнуть за длинный рабочий день. Немного покрутился перед зеркалом, оглядывая себя сбоку, спереди и, насколько позволял угол зрения, сзади. Чуть поправил рубашку, засунув выбившийся край под ремень брюк, снова слегка прошелся пальцами по волосам и тогда только пошел в столовую, откуда сегодня должно быть положено начало его новой

жизни. Правильнее, их новой совместной жизни. Он, конечно, последние пару месяцев почти уже переехал к Таисии, перевез кое-что из личных вещей, пристроил свою зубную щетку рядом с ее на полочке в ванной. Но это все было не то! Это не давало ему ощущения полного обладания. Да и полноправным хозяином в ее квартире он не мог себя чувствовать, пока находился здесь на птичьих правах. А вот когда они поженятся...

Что будет после того, как они поженятся, Олег пока представлял смутно. Но что-то хорошее должно будет начаться, что-то надежное, стабильное и красивое, это точно.

Он остановился у входа в столовую и замер, не сводя глаз с любимой.

Она была необыкновенной – его Таисия. Очень высокой, тоненькой, с гладкими темными, почти черными волосами, всегда распущенными по плечам. Никогда еще Олег не заставал ее в халате, с выглядывающей из-под подола ночной сорочкой. И это ему очень нравилось в ней. Утонченный домашний костюмчик, а их у нее насчитывалось с дюжину, – это то, что она себе позволяла. Домашние туфли на тоненьком каблучке и никаких тебе разношенных мягких тапочек с нелепыми кошачьими мордами. Аккуратные ухоженные пальчики, нежные щечки, гладкий лоб, не стесненный морщинами, совершенно прямая спина, упругий плоский живот с крохотным бриллиантом в пупке...

Разве не о такой женщине мечтает каждый мужчина?!

Мечтает каждый, а досталась ему одному! Ура, ура, ура!!!

Переступая порог столовой, Снимщиков совершенно точно знал, что его самое большое счастье стоит сейчас к нему спиной и с неторопливой деловитостью накрывает шикарный стеклянный стол – последнее приобретение ее отца – к ужину.

Высокие бокалы тонкого стекла. Накрахмаленные салфетки, свернутые изящным затейливым треугольником. Две свечи в изысканных подсвечниках...

Господи! Как же он всегда хотел именно этого! И именно к этому всегда стремился, перебирая женщин, пока не нашел одну-единственную. Ту, с которой намеревался прожить остаток своей жизни.

– Все готово, – ровным спокойным голосом произнесла Таисия, повернувшись к нему и попросила с улыбкой: – Будь добр, принеси цветы. Думаю, они тут будут к месту.

В два прыжка преодолев расстояние, Олег схватил букет со столика в холле и вернулся с ним в столовую, с не меньшей торжественностью повторив вручение.

Таисия осторожно освободила букет от яркой шуршащей упаковки. Обрезала стебли, обобрала нижние листья, очень точным движением расставила розы в вазе. Водрузила ее в центр стола и, сцепив пальцы у подбородка, снова улыбнулась.

– Кажется, все. Можно к столу.

Он уселся на ставшее привычным место напротив входа,

спиной к окну и еще какое-то время с умилением наблюдал, как Таисия выкладывает на тарелки огромные, будто лапти, куски мяса. Поливает их соусом, запах от которого аппетитно щекотал ноздри. Ставит стеклянную миску с салатом, предварительно перевернув овощи длинными деревянными лопаточками. Затем снимает кружевной передник и усаживается напротив него.

– И? – Ее брови вопросительно изогнулись. – Кажется, у нашего Олега был заготовлен тост?

– Д-да-а! Да, конечно!

Он неожиданно смутился и тут же сделался неловким, некрасиво выцарапывая заветную коробочку из кармана брюк. В голову тут же полезли трусливые мысли. А не слишком ли дешевым окажется кольцо для нее? Вдруг не понравится? Или не будет ли забраковано ее отцом, состояние которого оценивается местной прессой...

А, да ну, и неважно, забракует ли он его! Важно то, с какой нежностью смотрит сейчас на него она – его девушка!

Достал наконец, покраснев и вспотев так не к месту. Трясущимися пальцами распахнул бархатную крышечку и тут же потянулся через стол к ее нежным ухоженным рукам.

– Милая... Черт! Я так мечтал подарить тебе его в другой обстановке! Так хотел увезти тебя куда-нибудь! Туда, где мы будем совершенно одни и...

– Мы одни, Олег! – изумилась Таисия, не сводя восхищенного взгляда с кольца.

Неужели понравилось?! Слава богу! Слава богу!..

– Таечка, девочка моя! Ты согласна... Ты согласишься стать моей женой?

Олег поймал ее правую руку, поцеловал и тут же, выудив кольцо из тонкой прорези мягкого бархата, попытался надеть ей на палец. Тонкая металлическая дужка скользила и все норовила выскользнуть, а пальцы Таисии неожиданно оказались холодными и совершенно лишенными гибкости. Наверное, она тоже очень волновалась. Так же, как и он.

Наконец кольцо скользнуло по пальцу и прочно заняло отведенное ему судьбой место. Только тогда Олег осмелился глянуть на нее.

– Ты... Ты согласна, любимая? – повторил он вопрос, не дождавшись ответа на первый.

– Да, но... – ее взгляд перескакивал с предмета на предмет, совершенно точно избегая смотреть в его сторону, – мы не слишком торопимся?

– О чем ты, милая? – растерялся Олег. – Мы же любим друг друга, это же очевидно! Я почти уже переехал к тебе и...

– Хотел соблюсти приличия? – подсказала она с неожиданной надеждой в голосе. – Так это совершенно необязательно.

– Приличия тут ни при чем. – К его растерянности добавилась паника, а потом и неприятное ощущение, что его предложение совершенно не было долгожданным, и ему завуалированно, но отказывают. – При чем тут приличия, до-

рогая?! Я очень люблю тебя и хотел бы остаток жизни провести с тобой!

– Так и проводи. Зачем же торопиться? – возразила она с вполне искренним изумлением. – Знаешь... Брак – это не то, что нам... мне сейчас нужно. Мне тоже очень хорошо с тобой, но вот про остаток жизни я как-то еще не думала, понимаешь! Когда ты вошел с бутылкой дорогого шампанского, с цветами, я очень обрадовалась, но я подумала, что это по другому поводу.

– По какому?

– Я думала, что мы собрались отпраздновать твое новое назначение, которое не за горами, – оправдывалась Таисия, нервно покручивая кольцо на пальце. – Твое предложение меня совершенно загнало в тупик, и я... Я даже не знаю, что тебе сказать, что ответить!

– Другими словами, ты мне отказываешь? – Он хотел бы говорить с ней ровно, но голос предательски дрожал.

Черт возьми! Он был так окрылен! Так мечтал, строил планы! Совершенно справедливо полагал, что раз она печется о его карьере, значит, так же, как и он, видит в нем своего спутника жизни. А все не так! Все много прозаичнее. Она, оказывается, совсем не думала о будущем, живя настоящим. Да и кто ответит: есть ли ему место в ее будущем, полном роскоши и довольства?..

– Я не то чтобы отказываю тебе, – начала Таисия, осторожно подыскивая слова.

Она разнервничалась. Ей абсолютно точно не хотелось его обидеть, в этом она была уверена на все сто процентов. Но она с такой же уверенностью могла бы заявить сейчас, что не хочет замуж. И не хочет замуж именно за Олега Снимщикова, хотя он и без пяти минут начальник отдела внутренних дел их микрорайона. Она даже допускала мысль, что это не последнее высокое кресло, в которое опустится его великолепная задница. С такими данными, как у Олега, да еще при поддержке и попустительстве ее папочки, у парня впереди довольно-таки широкая и светлая дорога. Причем дорога вверх.

Но ведь папочка помогает ему совершенно не из тех побуждений, о которых размышлял Олег. Совершенно! Папочка просто очень любит обрастать своими людьми в силовых структурах, вот и...

Но ведь если она ему сейчас об этом скажет, то это значит... полный и окончательный разрыв их отношений. А она этого тоже не хотела. Ее они вполне устраивали на данный момент. Ей было с Олегом удобно и необременительно. Он был достаточно умен, обходителен, чертовски хорош собой и просто неподражаем в сексе. Его не стыдно было показать друзьям и знакомым отца. С ним было весело на вечеринках. Он был предупредителен и... И все равно это совсем не то, из-за чего выходят замуж.

В ее планы совершенно не входило чистить его засаленный на воротнике китель и ждать с бесконечных дежурств

и заседаний. Бояться и переживать: а не попадет ли он на взятках. Папины дела пускай так и остаются папиными, а ее – это совсем другое дело. Поэтому...

– Давай подождем немного, – промямлила она неуверенно.

– Немного – это сколько? – Олег некрасиво громыхнул стулом, наверняка покорябав дорогое покрытие пола.

Кажется, он начал ее понимать. Дымовая завеса безоглядной влюбленности чуть отдернулась и стала чуть прозрачнее, сквозь нее проступило нечто, чего никогда прежде не замечалось.

Они ходили вместе в рестораны. Отдыхали на озере за городом. Были даже шумные многослойные вечеринки, где, казалось, веселилось полгорода, но...

Но он ни разу не был представлен ее родственникам как жених!

Он никогда за то время, что они были вместе, – а это достаточный срок, – не бывал в доме ее отца.

И еще...

Пару недель назад из Москвы и Питера прилетали какие-то сестры и братья родителей, и всей толпой они уезжали в их загородное поместье, а его не позвали. Просто не позвали, и все! Он тогда, помнится, вернулся со службы довольно-таки поздно, а Таисии дома не было. Он позвонил ей по мобильному, и она скороговоркой обозначила причину своего отсутствия. Извинилась и сказала, что приедет на следу-

ющий день ближе к вечеру.

Если честно, вымотавшись, он был рад такому исходу. И даже в голову не пришло просто сесть за руль и поехать к ним, туда и езды-то было полчаса. И не задумался тогда даже, а почему это его присутствие не сочли необходимым?

Влез в ванную с бутылкой пива, задремал там даже, не заметив, как время прошло. Потом побрился, наскоро чего-то перекусил и, едва коснувшись головой подушки, уснул. И не задумался тогда даже, не озаботился и не опечалился, а почему его все же проигнорировали?..

– Немного – это сколько? – повторил он чуть жестче и требовательнее.

– Ну... Я не знаю... Не дави на меня, знаешь! – вдруг вспыхнула Таисия, устав подбирать слова для своего отказа. Забыв о дорогом половом покрытии, по примеру Олега громыхнула стулом, вставая, и тут же с раздражением затеребила на пальце кольцо. – Я не готова, и точка! Твое предложение застало меня врасплох! Что здесь оскорбительного, я не понимаю?! Я же не отказываю тебе! И, думаю, это главное!

Она лгала ему. Лгала гадко и неприкрыто. Ей самой сделалось противно от собственной лжи. Правда была очевидна. Она не отказала ему лишь по одной причине – она оттягивала время. Время, которое непременно наступит. То самое время, когда им все же суждено будет расстаться. А пока она не была готова к этому. Не готова!

«Как же так, – думала Таисия, осторожно ступая по

скользким плиткам на тоненьких каблучках. – Он сейчас просто поднимется и уйдет, да?! Уйдет, а она останется совершенно одна в своей огромной квартире?! Потом в полном одиночестве поужинает. Залезет в ванную, полную мохнатой, душной от ароматов пены, тоже в одиночестве. И Олег не запросится к ней туда, осторожно постучав в дверь. И не отнесет потом на кровать. Она сама влезет под толстое невесомое одеяло, устроится ровно посередине, потому что одна, и станет считать до бесконечности, чтобы уснуть».

Это все с ней уже было, и она знала не понаслышке, как это отвратительно – быть совершенно одной. Она этого не хотела. Но и замуж за него выходить – тоже не вариант.

Как поступить?!

– Зачем было все портить, Олег? – воскликнула она, оставившись посреди столовой, сверкающей огнями скрытых в потолочных нишах светильников. – Все же было так хорошо!

– Я хотел, чтобы было еще лучше, – ответил он то, что думал. – Но, кажется, получилось, как всегда... Слушай, Тая, давай просто поужинаем, что ли, не пропадать же добру, раз уж не получилось у нас романтического ужина.

И он принялся есть с жадностью, со злостью, не заботясь на сей раз о манерах и последовательном перебирании вилок и ножей для мяса, салатов и закуски. Просто ел, как проголодавшийся, уставший мужик, который вернулся домой, где его, оказывается, не очень-то ждали. Может, конечно, и жда-

ли, но не таким и не с тем, с чем он заявился.

Таисия, затаившись, поспешила занять свое место напротив Олега и начала есть в своей обычной неторопливо-утонченной манере. Она осторожно отпиливала столовым ножиком крохотные кусочки мяса, аккуратно укладывала их в рот и неторопливо пережевывала. Тонкие пальчики изящно отщипывали хлеб, цепляли вилочкой листья салата, слегка повозив для начала в сладко-пряной салатной заливке.

Ее раздражало, конечно, что Олег вдруг каким-то самым немыслимым образом из нормального светского парня превратился в пролетария, громыхал по тарелке вилкой и даже пару раз причмокнул то ли от удовольствия, то ли из вредности. Но ничего, она потерпит. Потерпит, потому как считает, что он вправе на нее сердиться за неопределенный, размытый ответ. Потерпит, но недолго.

Отужинали в полном молчании, лишь изредка бросая друг на друга задумчивые искрометные взгляды. Поднялись одновременно, словно по команде, предусмотрительно подержав тяжелые спинки стульев, чтобы не покорябать сверкающее покрытие под ногами. Не сговариваясь, собрали со стола посуду и прошли к мойке.

Они и прежде не раз делали так, но прежде это действие всегда сопровождалось оживленными разговорами, смехом, а тут...

Словно на поминках, чертыхнулся про себя Олег и едва не выронил из рук стеклянную тарелку. Бокалы мыть не при-

шлось, шампанское так и не открыли. Он с сожалением покопился в сторону красивого деревянного пенала, приобщенного Таисией к ее немногочисленной коллекции вин за матовым стеклом навесного шкафа. Ладно, пускай постоит там. Может, еще и пригодится, когда она созреет для решения.

Телефон зазвонил весьма своевременно. Они уже закончили мыть и вытирать посуду, успели расставить ее по полкам и стояли теперь друг против друга, совершенно растерявшись и не зная, что же им делать дальше. И тут этот звонок.

– Да, папа. Да, дома. Да, вместе. Хорошо, папа, – тоном послушной дочери прочиркала Таисия в трубку и тут же протянула ее Олегу, успев шепнуть: – Тебя, милый. Что-то срочное!

Трубку Олег принял с настороженностью. Такого, чтобы отец Таисии его требовал по срочному делу, еще не случилось. Кто знает, на какие еще сюрпризы богат сегодняшний вечер?

– Добрый вечер, Олежа, – пророкотал ее отец сочным басом. – Как дела, как настроение, Олежа?

Вот если бы даже она не отказала ему сегодня, и если бы он не был так сердит на нее, он бы начал ненавидеть ее отца уже за один покровительственный тон, а уж за «Олежу»!..

Кто дал право этому жирному борову для подобной фамильярности?! Кто позволил так называть его?! Он ему никто! Даже не родня! И теперь уже вряд ли когда станет им,

судя по настроению милой Таечки.

– Ты слышишь меня, сынок? – окликнул Олега ее отец.

– Да-да, слушаю вас, Антон Иванович, – сдержанно отозвался Олег, снова передернувшись от «сынка».

– Тут такое дело, сынок, – никак не унимался Антон Иванович. – Тебе про новое назначение, которое наметилось, дочуня уже успела прострекотать? Думаю, да... Так вот, первое тебе ответственное поручение, дорогой... К тебе попала девчужка одна по подозрению в том, чего она никак совершить не могла. Мне тут звонила ее крестная, мать погибшей, рыдала и просила посодействовать. Сечешь, к чему это я?

– Пока нет.

На глаза упала темная пелена, загородив от него весь белый свет. Во-оон оно что! Вон оно, оказывается, чем пахнет новое назначение! Неожиданными новыми поручениями, а никак не новым социальным статусом, в виде мужа его дочери! Вон как они все расписали умело, чародеи, мать их ети!!!

– Ты уж отпусти девчонку-то, Олежа, – рокотнул в очередной раз Антон Иванович, заставив Снимщикова передернуться до тошноты, и тут же добавил со смешком: – Убийцу мы тебе подберем из подходящих на это место кандидатов, уж поверь мне, стреляному воробью. Уж отпусти девчонку, малыш! Больно уж крестная убивается. А она мне тоже не чужой человек, поверь... Так как, сынок, договорились?

Долгие томительные тридцать секунд Олег собирался с мыслями и крепко сжимал в руках телефонную трубку, что-

бы не начать ею тут же молотить по красивой глянцевой поверхности рабочего стола. А потом еще столько же оторопело моргал, пытаюсь прозреть наконец основательно.

– Так как, сынок, Олежа, договорились? – насторожился стреляный воробей Антон Иванович. – Отпустишь девчонку-то?

– Нет, – коротко, но внятно ответил Снимщиков и тут же поспешил добавить: – Не мне решать, кого и за что отпустить. Это решает суд.

– Во-оон ты как, парень, заговорил-то. – Антон Иванович явно был разочарован. – А ну-ка дай трубочку дочуне-то, малыш...

«Малыш» не стал дожидаться развязки. Он же был не дураком – Снимщиков Олег Сергеевич, добившийся всего, что имел в этой жизни, самостоятельно. Он сразу сообразил, что именно желает сказать своей дочери Антон Иванович.

Поэтому без лишних слов передал трубку остолбеневшей от неизвестности Таисии и напрямик направился к выходу.

Глава 5

За ней пришли, когда она уже устала умирать. Каждый час, каждая минута минувшей ночи стали для нее маленькой отвратительной постыдной смертью от липкого ужаса и липких мокриц, облепивших ее волосы, тело, одежду. В полнейшей темноте, в ледяном смраде Соня провела двенадцать, нет, наверное, много больше часов, ведь они растянулись у нее в бесконечность, и их было так много, что вряд ли они могли равняться половине суток. Всю ночь она слышала грохот шагов за тяжелой металлической дверью, до нее доносились отзвуки чьих-то разговоров и даже смех. Потом было еще отвратительное по смыслу шуршание в углах камеры, куда направил ее подумать кареглазый пересмешник по имени Олег Сергеевич.

Ох, как она его ненавидела! Как ненавидела! Много больше, чем тех охранников, которые тискали ее грудь. С них спрос был маленький. Узколобыми дегенератами окрестила их для себя Соня и, стиснув зубы, полностью абстрагировалась от того, что они с ней вытворяли. Идиоты, что с них было взять! А вот Олег Сергеевич...

Ох, и гнус! Ох, и мерзавец! Приличный же с виду парень. Даже симпатичным показался ей в первые минуты знакомства. Даже позволила себе пару минут помечтать о возможном продолжении их знакомства, когда он улыбался ей сво-

ими великолепными карими глазами и настойчиво пододвигал к ней свои коленки.

Поулыбался и отправил в карцер подумать, гадина!

О чем она должна была думать, о чем?! Надо или не надо сознаваться в том, чего не совершала и не совершила бы никогда, что бы ни случилось, так, что ли?!

– Сволочь! – шептала Соня, бродя на одеревеневших от усталости ногах вдоль осклизлых стен. – Сволочь! Мразь! Паскуда ментовская!!!

Насекомые с сочным хрустом лопались под подошвами ее кроссовок, то и дело падали, отяжелев от собственной сырости, ей на лицо. В этот момент ей особенно остро хотелось лишиться рассудка, чтобы ничего не понимать и не воспринимать с таким ужасом. А тут еще это шуршание в углах камеры! Соня даже боялась думать, что это может быть. Если мыши, то это еще куда ни шло, но если крысы...

Она так и не угадала, что же с таким отвратительным писком носилось по камере из угла в угол всю ночь. Хвала небесам, откликнувшись на ее молитвы, ни одна из этих мерзких тварей ни разу не посягнула на нее. Ни разу не попалась ей под ноги и не прыгнула на одежду, в отличие от назойливых тупых мокриц.

Ближе к утру ноги ее почти уже не держали, но садиться на нары или, упаси господь, на пол Соня не стала. Лучше умереть стоя, решила она и продолжила блуждать, проклиная на чем свет стоит Снимщикова Олега Сергеевича. Эта ее

ненависть, подпитываемая звуком собственного голоса, выплевывающего мат, наверное, и позволила продержаться до утра.

Дверь камеры открылась, когда ног она уже почти не чувствовала.

– Жива, красотка? – поинтересовался мордастый парень в форме, поигрывая резиновой дубинкой, и тут же ослабил в паскудном оскале. – Никто не съел тут тебя? Что-то бледновато выглядишь. Ну, идем, что ли...

Шла, еле переступая и видя перед собой лишь широкую спину охранника. Второй шел сзади. Так вот ее вели – как погрязшего в преступлениях рецидивиста – сразу с двумя конвойными. Один спереди, второй сзади.

Очуметь же можно, думала Соня, будто ее руки по локоть в крови. Настоящие преступники и то вряд ли такими почестями пользуются. Должно быть, сильно уважает в ней ее порочность этот Снимщиков, раз прислал сразу двух конвоиров. Уважает и радуется благополучному исходу такого пустякового дела, завязанного на ее меркантильном интересе.

У-уу, сволочь! Какая же сволочь!!! Чем бы таким омрачить его радость, а? Может, в обморок у его ног упасть, или в истерике забиться, чтобы стереть хотя бы на день приятную смешинку в его карих глазах.

Снимщиков, на удивление, был чрезвычайно серьезен, если не сказать, зол. Карие глаза не улыбались, а, напротив, казались печальными.

Может, совесть его замучила, вяло позлорадствовала Соня, буквально падая на предложенный стул.

– Доброе утро, – поприветствовал ее Олег Сергеевич без намека на любезность.

Она молча кивнула. Не потому, что не желала с ним разговаривать, а потому, что просто сил не было, всю ночь проговорила, не закрывая рта.

– Вы подумали? – коротко спросил Снимщиков, не глядя на нее, а тупо глядя в стол, на котором ничего не лежало сейчас, даже чистых листов бумаги.

– О чем? – на всякий случай поинтересовалась Соня хриплым безжизненным голосом.

– О том, чтобы подписать чистосердечное признание, – так же не поднимая на нее глаз, продолжил развивать свою мысль Олег Сергеевич.

Так ведь и сказал – не написать, а подписать, будто оно у него уже заранее было заготовлено, лежало сейчас в верхнем ящике его стола и дожидалось своего часа.

– Об этом не может быть и речи, – произнесла она с достоинством, как ей показалось.

– Да? А почему?

Он пододвинул все же себе под руку чистый лист бумаги и взял в руки шариковую ручку, будто собирался написать за нее все, от чего она отказалась.

Он вообще вел себя сегодня как-то странно. И выглядел уже не таким лощеным и удачливым, и не в его глазах было

дело. Он сам весь был каким-то пришибленным. Будто это не она, а он всю ночь промаршировал по тесной сырой камере, и теперь у него совсем не было сил даже на то, чтобы хорошо выполнять свою работу.

– Потому что я не виновата! Потому что я не совершала того, в чем вы пытаетесь меня обвинить! То есть спихнуть на меня ваше нераскрытое убийство у вас не получится, вот! – выпалила Соня на одном дыхании, не забыв добавить про себя вдогонку несколько непечатных слов из своего ночного монолога.

– Вот так, значит, да... – проямлил Снимщиков как-то неуверенно и тут же засуетился, сделался шустреньким.

И в стол слазил, и бланк какой-то оттуда достал, и что-то быстро-быстро начал писать в нем. А после протянул этот результат своих трудов и пояснил с явным, кажется, облегчением:

– Коли так, то ступайте.

– Куда?

Соня взяла из его рук бумагу, но прочесть, как ни старалась, не смогла, буквы сноровисто ползали по серой бумаге хлеще жирных мокриц, в обществе которых она провела минувшую ночь.

– Домой ступайте, уважаемая Софья Андреевна. У вас на руках пропуск. Все. Вы свободны! Ступайте же!

Он глядел на нее теперь, но уж лучше бы, как прежде, буравил глазами стол. Столько откровенной неприязни было в

его взгляде.

Он ей не верит, поняла Соня. Не верит в то, что она невиновна. Почему тогда отпускает? Что его заставило? Правильнее, кто заставил? Может быть, в этом-то и кроется причина его неприязни! Ему приказали, и ее приходится отпускать, невзирая на его нежелание и подозрительность.

Непонятно с чего, она вдруг расстроилась. Радоваться бы тому, что уже минут через двадцать будет дома, а она расстроилась едва не до слез из-за этого весельчака Снимщикова, который вдруг перестал быть улыбочивым и ни в какую не хотел ей верить.

Неужели ей было так важно его мнение?! Мнение человека, который минувшую ночь провел в мягкой теплой постели, после того как ее отправил ночевать в карцер, полный гадких насекомых и непонятного происхождения тварей, издающих прямо-таки душераздирающий писк.

Черт его знает, что за чувства ее обуревали за три минуты до обморока. Может, как раз надвигающееся беспамятство и бередило ее попранное самолюбие, но, выходя в коридор, Соня для чего-то обернулась на него от двери и сказала:

– Что бы вы ни думали, Олег Сергеевич, я этого не делала.

Может, и так, может, и так, носилось в его накалившихся от свалившихся неприятностей мозгах. Но как доказать это?! Хотя доказать, что она и именно она это сделала, тоже пока невозможно.

Пока... А пока невозможно, его вдруг отправили сего-

дняшним утром в отпуск.

Веретин вызвал к себе, едва он успел в здание войти. Говорил скупое, холодно, почти неприязненно, чем немало удивил после вчерашнего общения.

– Девку отпусти, – пробурчал Игнат Степанович. – Нашел кого сажать тоже!

– Так, Игнат Степанович, мы же с вами вчера... – Олег опешил.

– Ты! – Артритный палец Веретина ткнул в его сторону, словно шпагой проткнул. – Меня к себе не присобачивай, понял, умник! Мы с вами... Черта с два «мы»! Ты, дорогой мой Олег Сергеевич, и только ты! Я тут ни при чем!

Снимщиков промолчал, не поняв поначалу причины такой резкой перемены в отношении начальника, который еще вчера едва целоваться к нему не лез.

Тот пояснил, но чуть позже. И это пояснение было хуже вчерашнего приговора, вынесенного его мечтам.

– На место мое метишь, засранец?! – рыкнул Веретин Игнат Степанович, брызнув слюной, и тут же выбросил в его сторону выразительный кукиш. – А на-ка вот тебе, умник! Выкуси!!!

– Да я не... – Снимщиков попятился к двери, еще мгновение, и он точно бы дал деру из кабинета начальника, забыв о возрасте и долго выстраиваемом имидже уважаемого компетентного специалиста в своем деле. – Вы не так меня поняли, Игнат Степанович!

– А мне тебя и понимать не нужно. Значит, вот что... – Веретин снова приобрел начальствующий вид, принялся деловито листать первую подвернувшуюся ему под руку толстую папку с делом. – В отпуск собирался? Собирался! Вот и отдыхай. Ступай в отдел кадров, пиши заявление и гуляй себе в удовольствие. Когда вернешься, там посмотрим.

– А как же дело?

– Дело сдашь Липатову. Все, ступай. А девчонку отпускаяй прямо сегодня.

Тон Веретина не требовал дополнительных объяснений, но Олег на всякий случай уточнил:

– Под подписку или как?

– Или как! – заорал Веретин, громыхнув прежде безвольными руками по столу так, что все загудело. – Никаких подписок! Нашел преступницу! Чтобы так по голове шарахнуть, силы в руках нужно... Ступай, короче, в отпуск. Все!..

Липатов папку, не успевшую разбухнуть от бумаг и протоколов, принял у Снимщикова с кисло-ехидной улыбкой. И посочувствовал вроде бы, и позлорадствовал тут же, и позавидовал, что в такое благодатное время да в отпуск. Уходя, не забыл поинтересоваться, не знает он, мол, с чего это старик с раннего утра в таком яростном нерасположении духа. Такого прежде не случалось, чтобы с утра-то...

Все знают. Все уже, наверное, обо всем все знают, решил Олег, глядя ему вслед. И про то, что Таисия ему отказала, и про то, что ее папашка своего расположения его, Снимщи-

кова, лишил, и про то, что он теперь и у начальства в опале. Не то, что прежде.

Ну и пускай как хотят, с остервенелым упрямством думал Олег, ожидая, когда ему приведут для последней миссии Софью. Очень ему нужно разгрести эту фигню! Пускай сами замораживаются с этой кучерявой девкой. Пускай, ему все равно.

Но стоило ей войти, стоило ей усесться на стул и снова начать твердить о том, что она никого и никогда не убивала, как он тут же решил для себя, что ни черта ему не все равно. Ну не найдет он покоя, если не посадит ее за решетку. Пускай она хоть каким камнем себя назовет, хоть краеугольным, хоть преткновенным, но именно с нее начались в его жизни отвратительные моменты. С ее нежелания признаваться, с его нежелания это признавать, а особо с его нежелания идти на поводу у чьих-то узколобых желаний, продиктованных интересами общего бизнеса.

Про то, что Таисия отказала ему как бы еще до того, как обозначилась надобность в его сговорчивости, Снимщиков решил благополучно опустить.

У него крупные неприятности – это главный момент. И у этих неприятностей имеется вполне определившееся лицо – это главный момент под номером два.

И, кажется, он уже точно знает, чему именно он посвятит свой сорвавшийся романтический отпуск под жарким тропическим солнцем.

Глава 6

Милый добрый мальчик, назвавшийся Липатовым Вадиком, довез ее до самого дома, успев рассказать, как долго и со страхом приводил ее в чувство, после того как она упала в обморок в коридоре отдела внутренних дел. Потом в таких же красках и последовательно объяснил ей ошибку следствия, в результате которой она попала под подозрение. Извинялся, извинялся, извинялся так долго, что она устала слушать. Если ей и было плохо сейчас, то лишь оттого, что тот прежний – кареглазый – так и не поверил ей, выпроваживая. Во всем остальном ей было просто никак.

Она не чувствовала тела, не слышала никакой боли, не испытывала никаких чувств, кроме все того же сожаления по поводу...

А, ну, да и ладно! Дался он ей – этот Олег Сергеевич. Его, оказывается, даже коллеги по оружию не очень-то уважают, о чем доверительно шептал всю дорогу Липатов Вадик. А ей тогда что? Ей ничего! Добраться бы до дома да выспаться. А потом все забыть и начать просто жить. Получалось же раньше, почему теперешний случай должен стать исключением? Уж не потому ли, что у теперешнего случая очень чудесные карие глаза?..

– Спасибо, я дойду. – Соня потопталась возле подъездной двери, слабой рукой нашаривая кнопки кодового замка.

Только проговорила и тут же качнулась, едва удержавшись на ногах. Если бы не Липатов, непременно растянулась бы снова на пыльном бетоне.

– Ну, вот видите, – укорил он Соню, приобнял и осторожно вместе с ней шагнул в прохладу подъезда. – У вас который этаж?

– Пятый.

Соня решила быть покорной, раз уж нет сил ни на что остальное.

Они вошли в лифт и молча доехали до ее этажа. С одной ноги шагнули на лестничную площадку и в таком же молчаливом солидарном согласии замерли возле ее двери.

– Ключ где-то здесь, – пробормотала она беспомощно, скидывая сумку с плеча, которую, хвала сообразительности некоторых господ, ей позволили забрать с дачи Сочельниковых. – Отыщете?

– Ну, так!

Липатов бережно прислонил Соню к стене, взял сумку и принялся тут же бесцеремонно рыться в ней, отыскивая ключ. Нашел, вставил в замочную скважину, открыл дверь и, снова обняв Соню за талию, поволок ее в жилище.

Дальше – больше!

Усадил ее на крохотной изящной табуреточке возле двери. Присел перед ней на корточки и принялся стаскивать с ее ног кроссовки.

– Нет, ну что вы делаете, Вадик?! – с беспомощным отча-

ниями воскликнула она, пытаясь спрятать ноги под табуретку. – Оставьте, прошу вас! Вы и так провозились со мной, у вас же, наверное, работа.

– Работа подождет, – резонно заметил он, не дав ее ногам спрятаться. – К тому же существует необходимость исправить то, что некоторые успели наработать, так сказать. Ну! Все! Теперь можно и в ванную.

– Нет, нет, что вы! – замотала она головой, испугавшись, что Вадик вызовется ее купать. – Я сама!

– Не вопрос! Только я уж подожду, пока вы выйдете, идет? А то вдруг вам снова станет нехорошо, вы снова шар... упадете в обморок, – глядя на нее по-доброму, без намека на подозрение, объяснил Вадик. – Я вас подожду, вы не против?

Конечно, она была против! Конечно, ее не прельщала мысль, что посторонний будет находиться в ее доме, пока она принимает ванну. К тому же, невзирая на полную апатичность, Соня все же немного подозревала Липатова в неискренности. Вдруг он крутится вокруг нее с вполне определенной целью, а? Вдруг у него задание, что тогда? Но разве скажешь об этом! И не выпроводишь, после того как человек приводил ее в чувство в милиции, тащил на руках до деревянной кушетки, поил ледяной водой. Смотрит на нее хорошо, глазки искренние, да и навязчив в рамках терпимости.

– Хорошо, – сдалась Соня. – Я в душ, а вы пока... Можете чаю приготовить. Все необходимое найдете в кухне. Не затруднит?

– Да ну что вы, Софья Андреевна!

– Можно просто Соня, – проговорила она, устав без конца слушать собственное отчество. – Я скоро...

И ушла в ванную, к великой радости и облегчению Липатова.

Нет, девочка ему вполне определенно нравилась. И он во все был не прочь закрутить с ней крохотный романчик, к слову, уже пятый за время его службы в органах. А что? Ему нравилось заводить интрижки с девчонками, проходящими по всевозможным делам свидетелями либо пострадавшими. Нравилось сразу по нескольким причинам.

Первая, конечно же, это экономия времени и эмоциональных средств, которые обычно тратились на знакомство, обольщение, уговоры. Здесь этого не требовалось, здесь все простекало во время его работы, которая крала все свободное его время, не оставляя отдушины на досуг.

Вторая причина – он абсолютно все знал в таких случаях о понравившихся ему девушках. Знал все про брошенных женихов, про несостоявшихся мужей, про детей, если они имелись. Достаток, жилищные условия, да все, господи! Все, вплоть до возможных последствий его кратковременной связи.

А последствий-то никогда не бывало, поскольку, зная о том, что он мент, девчонки не спешили предъявлять ему претензии. Иногда даже вздыхали с облегчением при расставании. Это, пожалуй, можно было отнести к третьей причине.

Соня ему нравилась. Очень симпатичная. Уравновешенная, что однозначно потом не повлечет за собой никаких слез и упреков. Не обремененная семейным положением. Не стесненная в средствах. Из-за них-то, из-за этих самых средств, видимо, и произошла в ее жизни беда.

Когда Липатов Вадик внимательно ее рассматривал, безвольно раскинувшуюся на полу в их отделении, он уже был посвящен во все детали щекотливого положения, в которое попала она, а вместе с ней и весь РОВД во главе с Веретиным Игнатом Степановичем.

Знал, что Снимщиков закрыл девчонку в карцер на ночь, чтобы та созналась в убийстве. Потому как пребывал в твердой уверенности, что она виновна.

Знал, что Веретину была дана команда ее отпустить. И верные люди успели донести, что команда была спущена с самого что ни на есть верхнего яруса.

И знал также, что упрямство Снимщикова стоило тому расположения его будущего тестя. А Веретину почти открыто пригрозили: не подчинишься, пойдешь прямиком на помидорные грядки.

Все это Липатов Вадик знал. Чего не знал, о том догадывался. Не знал одного: виновна ли Соня в убийстве своей подруги или нет?

Если приказано ее отпустить даже без подписки о невыезде, значит, не виновна.

Но почему тогда Веретин, вызвавший его к себе перед ви-

зитом Снимщикова, приказал с нее глаз не спускать?

– Я знаю, как ты умеешь очаровывать таких вот милашек, Вадим, – грузно пройдясь по кабинету, проговорил Игнат Степанович. – Ты у нас местный Казанова и славишься тем, что заводишь романы прямо в своем кабинете. Так вот... Как хочешь выворачивайся, как хочешь ублажай и обольщай, но крутись возле девчонки и денно и ночью.

– Может, мне на ней и жениться в интересах дела? – решил пошутить Вадик, чтобы немного разрядить обстановку.

– Понадобится – женишься! – рявкнул Веретин и указал ему на дверь.

А ему-то что! Ему оно и на руку. В личной жизни уже второй месяц полный застой и отстой. Соня – девочка симпатичная, к тому же жилплощадь имеется, не придется таскать ее в свое милицейское общежитие.

Все не так уж и плохо!

Не забывая прислушиваться к шуршанию воды в ванной, Вадик быстро обежал две ее комнаты. Ненадолго задержался в спальне. Схватил с подушки невесомую ночную сорочку из непонятно куда приспособляемых веревочек, ленточек и оборочек. Подержал в руках, поднес к лицу и втянул носом тонкий запах ее духов.

Приятно пахло, черт побери! Он даже легкое возбуждение испытал, мгновенно представив ее голой в душе. Тут же встряхнулся, снова пристроил ночнушку на место и пошел на кухню.

Когда Соня вышла из ванной в халате, с замотанной полотенцем головой, он уже успел вскипятить чайник. Поставить на стол чашки и блюдо с бисквитными рулетиками и как раз засунуть упаковку из-под них в мусорное ведро. Предварительно, правда, успев исследовать его содержимое. Исследовать особо было нечего. Пакет, вставленный в ведро, был практически пуст, если не считать использованной банки из-под кофе и двух яичных скорлупок.

– Как дела? – спросил Липатов, внимательно вглядываясь в ее лицо, нет, кажется, никаких следов слез нет, он не ошибся в ее уравновешенности. – Все в порядке? Как самочувствие?

– Ничего, – сдержанно ответила она и тут же опустилась на стул. – Спасибо за хлопоты. Очень хочется чая. Горячего, целую кружку, только послаще!

Он все сделал, как она хотела. Себе навел растворимого кофе. В зернах не нашел, хотя очень хотелось блеснуть умением. В плане приготовления кофе ему не было равных в их общаге. Запах из общей кухни густым облаком расползлся по коридору почти каждое утро.

У Сони кофейных зерен Вадик не нашел, хотя успел облизать все шкафы.

Липатов оседлал соседний стул, пристроив кружку со своим растворимым кофе на спинке. Прихлебнул раз-другой, не сводя глаз с Сони, и как бы между прочим произнес:

– Н-да... Неприятная история... Представляю, что вы

сейчас чувствуете.

– Вряд ли, – спокойно парировала Соня, с трудом подавляя зевоту, сводящую судорогой ее скулы. – Для этого вам, прежде всего, нужно было бы простоять всю ночь в сыром склепе, полном мокриц.

– Все этот Снимщиков! – подхватил тут же Липатов, подосадовав на себя. Надо же так невпопад было ляпнуть. – Не останови его, под расстрел человека подставит! Старатель тот еще!..

Она никак не отреагировала на его слова. Не поддержала и не возразила, маленькими глотками вливая в себя приготовленный им крепкий сладкий чай. И он снова разозлился на себя. Почему-то вдруг стало важным понравиться ей. И не в Веретине одно дело. А в том, наверное, что она удивительно хороша была в своем голубом толстом халате и таком же голубом полотенце, обмотавшем ей волосы затейливой чалмой. И хранила еще его память тот тонкий, едва уловимый запах духов, исходивший от ее ночной сорочки. И совершенно некстати брала за сердце странная оторопь, что вот эта девочка ему как раз и не по зубам. Не станет она связываться с таким, как он. Не слишком он для нее... блин, какое же слово-то правильное подобрать... Утонченный, во!

Грубый он, Липатов Вадик, и не галантный, хотя и таскался с ней на руках по всему коридору, и за водой бегал, и домой потом вез. Он не Снимщиков, с которым все считаются и которого все, без исключения, называют по имени-от-

честву. А его все Вадик да Вадик, ну по фамилии еще.

Рубашек он не носит, предпочитая футболки. Пиджаки и вовсе ненавидит, с радостью заменяя их свитерами и джинсовыми куртками. А Олег, черт побери, Сергеевич только в пиджачных парах да в рубашках с галстуками. И в винах толк Снимщиков знает, и в драгоценных камнях разбирается. Липатов подсек недавно, как тот кольцо своей Тайке выбирал.

Интересно, а со Снимщиковым закрутила бы Соня роман? Смогла бы без лишних предисловий выбраться сейчас из своего махрового кокона и броситься тому на шею?

– Вадик, вам пора, – твердо произнесла Соня, пристраивая опустевшую чашку на стол. – Огромное спасибо вам за помощь и...

– Я позвоню! – едва ли не с угрозой перебил ее Липатов, рассердившись за то, что она его выставляет.

– Да? – удивилась Соня. – А, ну да... Звоните, если видите в этом необходимость.

– Вижу, – кивнул Липатов, вставая и бросаясь к раковине полоскать свою чашку, вот, мол, смотрите, какой я хозяйственный. И понес скороговоркой первое, что пришло ему в голову: – Ваша подруга погибла при странных обстоятельствах. Ее мать, которая вам сейчас покровительствует, занимает определенный вес в известных кругах нашего города. Как знать, не отсюда ли ноги растут у этого преступления! Так что, находясь в непосредственной близости от

этой дамы, вы тоже подвергаетесь определенному риску. Уж не обессудьте, но придется вам потерпеть мое присутствие. В целях вашей же безопасности, Соня! Вы сегодня еще куда-нибудь собираетесь?

– А?

Она абсолютно не хотела заполучить вместе с долгожданной свободой еще и охранника в придачу. Она так не договаривалась! И уж если кому ее и охранять, так это... тому кареглазому мерзавцу, который намеревался посадить ее в тюрьму. Пускай бы покрутился рядом и понаблюдал, а заодно и выводов понаделал, что она никого не способна убить и обидеть.

– Вы сегодня собираетесь выходить из дома куда-нибудь? – терпеливо повторил свой вопрос Липатов, решив дожать ее и окончательно застолбить место подле нее, тем более что на то имелось начальствующее распоряжение.

– Я не знаю, а что?

Желание уснуть стало просто болезненным, и еще более болезненным было желание не видеть этого парня. И не видеть вообще никого, даже себя в зеркале. Но, кажется, он совершенно не способен был читать ее мысли, продолжая назойливо навязывать ей свою заботу.

«Соглядатай!» – фыркнула мысленно Соня, определив его миссию для себя именно так.

О, как бы она удивилась, покайся ей Вадик, каких трудов ему стоит изображать бесстрастность, помогая ей дойти

до кровати. Тут еще злополучная сорочка, хранившая ее запах, так некстати вновь попалась ему на глаза. Еле сдержался, чтобы не предложить ей переодеться. Вот был бы приколот! В глаз получил бы точно.

– Дверь я закрою сам, она ведь у вас защелкивается, я правильно понял? – всю заговаривал ей зубы Липатов, подводя и усаживая на кровать.

– Правильно, – кивнула Соня.

Она снова была на грани обморока. Оставь он дверь распахнутой настежь, ее бы это не очень-то расстроило. И уж точно она не заметила, как его руки без особой нужды расправляли на ней складки халата. И, кажется, он, а не она, стащил с ее волос полотенце. И точно он уложил ее поверх одеяла, одернув задравшийся на коленках халат.

Как страшно она проваливалась в сон, когда назойливый Липатов перестал-таки назойливо мелькать у нее перед глазами. Будто умирала, честное слово!

Необычайная легкость накрыла ее, будто одеялом, хотя она точно помнила, что лежит поверх него. Гудевшие от усталости ноги, ноющее тело сделались почти невесомыми, и такими же точно были обрывки мыслей, слегка тревожившие ее мозг.

Таня... Таня Сочельникова...

Ее больше нет, так ведь? Она погибла. Ее убили?! Ее убили! За что? Кому была нужна смерть Тани теперь, когда ее уже давно успели оплакать и мысленно похоронить неодно-

кратно?

Так все странно...

Соня вдруг широко распахнула почти уснувшие глаза и недоуменно уставилась в потолок.

Почему ей ее не жалко? Ей ведь не жалко Таню! Это совершенно точно! Может, это оттого, что все давно перегорело в душе? Все ведь это уже было: и изнурительные поездки с Анной Васильевной на опознания, и слезы, и страх ожидания печальных новостей. Они выстрадали ее смерть заранее, получается?! Получается, что так. И теперь ничего, кроме чудовищного облегчения, не было в ее душе, и это, наверно, было чудовищно. Но вместе с тем и легко.

Наконец-то все определилось. Наконец-то все пришло к своему логическому завершению, и исчезновение Тани закончилось тем, чего все давно ожидали.

Да... Ожидали...

Это поначалу ждали ее возвращения. Потом – хоть каких-нибудь да известий. Потом – чуда. А когда все устали, стали ждать хотя бы смерти.

Теперь она случилась – ее смерть. С опозданием в четыре года, но случилась.

«Наконец-то!» – подумала Соня и, стыдясь самое себя, заплакала легкими слезами, очищающими душу. Наконец...

Она ужаснулась бы, узнав, сколько еще людей думают сейчас точно так же, как и она. Точно так же!

Глава 7

Отпуск так отпуск! Черт с ними со всеми, думал Снимщиков, зло волтузя мокрой тряпкой по пыльному полу собственной квартиры.

Ничего! Он им еще покажет, кто прав, а кто виновен!

Умники! Карьеристы! Жополизы, лизоблюды! Им же на все плевать! Им лишь бы бизнесу урон не нанести. А ему вот, черт возьми, истина дороже! Да, да! Нет здесь никакого пафоса ни хрена! Ему дорога истина!

Коли не убивала, извиниться всегда готов. Ну, а уж если она шарахнула своей неожиданно воскресшей из небытия подружке по башке, то уж будьте любезны, примите в виде наказания срок заключения.

Олег уселся на пол, подобрал ноги, уложил локти на колени и какое-то время наблюдал, как с большой тряпки, когда-то бывшей халатом матери, капает на пол грязная вода.

Да, квартира за время его отсутствия изрядно обросла и пылью и запустением. Вот ведь и не думал, что придется снова сюда возвращаться и снова жить одному. Думал, что навек распрощался и с грязным подъездом, провонявшим кошками и кислой капустой. И с огромными гулками комнатами, почти полностью лишенными мебели. Он же повыбрасывал почти всю рухлядь, оставив лишь свой диван, телевизор, письменный стол и старый громоздкий шкаф. По-

следний оставил лишь по причине того, что не смогли его выволочить четверо мужиков из квартиры, такой тяжелый был, зараза. Рубить топором было жаль, да и мужики отказались, сочтя, что он зажрался, раз такую красоту хочет на дрова пустить.

Вся мебель влегкую разместилась в круглой гостиной, которую когда-то занимали их соседи Востриковы. Они с матерью раньше жили в двух комнатах, что располагались слева от гостиной. А в той, что справа, обитал угрюмый дед, фамилии которого Снимщиков, тогда еще Олежа, так и не узнал.

Дед помер. Востриковы переехали в район новостроек. Мама умерла. И остался он один в громадной сталинской четырехкомнатной квартире, с которой что делать, хоть убей, не знал.

Продавать было жаль. Для одного – многовато. Вынашивал в мыслях мечту, что Таисия со временем оценит, возможно, все преимущества высоченных потолков, стрельчатых окон и натурального, всамделишного паркета. Что они, возможно, сообща сумеют перевоспитать местных жильцов и наведут порядок и во дворе, и в подъезде. Но...

Ничего не смогла оценить избалованная папой красotka, снова подумал Олег с горечью и покосился на старую тумбочку под облупившимся зеркалом в прихожей. В этой тумбочке покоилась та самая бархатная коробочка с кольцом. В самом углу самого нижнего ящика. Туда зашвырнул ее Олег, чтобы не наткнуться случайно и не начать вспоминать и бо-

леть сердцем.

Вернула ведь кольцо Таисия!

– Не нужно, забери, – сказала с необъяснимой обидой, будто это он был виноват в том, что она не хочет за него замуж выходить.

И он снова вернулся в дом своего детства. С заросшим акацией двором. С гулким вонючим подъездом и с огромной пустой квартирой, которой было слишком много для него одного.

Снимщиков, кряхтя, поднялся с пола. Зло сунул тряпку в пластиковое ведро, поплескал ею в мутной воде, достал, отжал с силой и снова принялся волтузить по полу.

Ничего! Он не пропадет. У него еще вся жизнь впереди. Не будет Таисии, будет кто-нибудь еще. Мало в России красивых утонченных женщин! Да пруд пруди! На всех хватит. При такой катастрофической нехватке мужчин, покопаться еще придется. А Веретин...

А Веретин пускай катится ко всем чертям с его неумным желанием скончаться прямо на работе. Он еще ему по носу щелкнет. Нет, он всем им по носу щелкнет, когда сумеет доказать виновность ускользнувшей от ответственности Софьи. Все еще убедятся, что он прав. И как бы кому-нибудь извиняться не пришлось, да!

Прямо завтра и начнет свое собственное расследование. Прямо с утра и начнет. А пока наведет порядок в своей квартире.

Заканчивал он, когда за окном уже заметно потемнело. Но результаты трудов своих оглядывал с удовольствием. Подоконники чистые. В углах ни намек на пыль. В кухне и ванной краны начищены до блеска. Можно было бы, конечно, и окна помыть, но не сегодня. Ограничился тем, что плотно задвинул в комнатах старенькие шторы, которые поостерегся выбрасывать вместе с мебелью. Вот и пригодились. В той комнате, где он жил до романа с Таисией, окна были завешены жалюзи приятного зеленоватого оттенка. Приобрел по случаю. Знакомые ребята, съезжая из арендованного под офис помещения, буквально задаром продавали свой реквизит. Позвонили, предложили, он не отказался, тут же отыскав им место. Сейчас жалел, что не взял у них чего-нибудь еще. Кресла ведь предлагали, пару столов со стульями. Отказался, думал, что теперь ему уже ничего не будет нужно. Раз задумал жить по-новому.

Холостяцкий ужин состоял из жареной колбасы, яичницы, хлеба с горчицей и бутылки пива. Он умел готовить и делал это совсем неплохо, но это требовало времени, а он сегодня на уборку потратил часов восемь. О том, что мог бы есть сейчас, сидя за шикарным столом Таисии в ее столовой, старался не думать. Пора привыкать к мысли, что этого не будет больше никогда. Пора отучать себя от того шика, в который окунулся, пробыв возле нее в роли...

Кстати, а какую же роль он в ее жизни исполнял? Хороший вопрос. Главное, своевременный. Олег иронично хмык-

нул, откупоривая пиво. Не хватило ума подумать об этом раньше? Пожинай теперь, умник.

Он со злостью вонзил вилку прямо в сердцевину яичного глазка, распотрошил и, без конца обмакивая в нем хлеб, принялся жевать, запивая ужин пивом.

Зачем?.. Зачем она была с ним, его Таисия? Для удобства, для тела или для дела?! А что, если папа выдал дочке точные инструкции, как, с кем и ради чего спать? Вряд ли думал несостоявшийся тесть, что Снимщиков окажется столь несговорчивым. Наверняка даже не предполагал, что не станет Олег Сергеевич кормиться с его руки и что запросто так возьмет и по одному щелчку его перстов отпустит из-под стражи Софью Андреевну.

Соня, Сонечка, Софья...

Кажется, неприязню к ней Снимщиков заболел, уже когда узнал, как ее зовут. Еще там, на озере. Стоило ей представиться, как он тут же отгородился от нее непробиваемой антипатичной броней.

Подумаешь, Софья! И что с того! Да ему все равно, блин. Хоть Ангелина! Да хоть Клеопатра! У него уже есть незаурядная девушка с незаурядным именем. И никогда и никому не признался бы он вовек, что женское имя имеет для него такое же точно значение, как и ее внешность. И что никогда не глянул бы он в сторону Лены, Гали, Марины, Тани, Вали, хоть она сорок раз красавица. И что так было с тех самых пор, как он понял, что он мужчина.

Бзиком это называется? Да! Пускай так, но любил Олег девушек с интересными, небанальными именами. Их не очень много случилось в его жизни – девушек. Некогда было. Учеба в институте, армия, работа, мать болела долго и тяжело. Поэтому похвастаться двухзначным числом своих романов он не мог, но те, что случались, запомнились Снимщикову на всю оставшуюся жизнь, наверное. Все было очень красивым, необычайным, включая имена его девушек.

Первой была Симона. Полька по происхождению, непонятно как затесавшаяся к ним на факультет. Потом Жанетта, Виолетта, Стэлла и, наконец, Таисия. Случись появиться в его жизни Софье прежде Таисии, он бы наверняка не пропустил ее мимо. Наверняка! Она была очень хорошенькой. Но после всего, что из-за нее случилось, воспринимать ее как женщину Снимщиков не смог бы даже под дулом пистолета.

С нее начались все его беды! И он землю носом станет рыть, чтобы реабилитировать себя хотя бы в собственных глазах.

Он должен доказать, что она убийца. А если нет, то должен найти этого убийцу.

С чего начать?.. С чего же начать?! Начинать же с чего-то придется...

Снимщиков моментально поскуучнел, махом допил пиво и с сожалением отставил пустую бутылку на край стола.

Начинать требовалось с Татьяны Сочельниковой, с той самой, которую искали долго и безуспешно, потом искать уста-

ли и перестали. Спустя четыре года после исчезновения она вдруг самым невероятным образом возникла в виде трупа, который обнаружила подруга. Подруга почему-то отказалась признать в убитой Татьяну Сочельникову, мотивируя тем, что не рассматривала лица. Так ли это? А что, если она намеренно соврала, испугавшись, что узнавание ей может стоить неприятностей.

Вот он, первый вопрос – узнала ли в убитой Татьяну подозреваемая?

Вопрос второй – зачем приехала на дачу Сочельникова, если ее мать, Анна Васильевна, в этот момент была в отъезде? Даже скидка в четыре года не может быть признана объективной, поскольку всегда в это время Анна Васильевна уезжала из города. Всегда! Так, во всяком случае, рассказала ему Софья Андреевна, объяснив причину своего пребывания на чужой даче с чужой собакой.

Да, все именно так и было, он справлялся. Из года в год Анна Васильевна Сочельникова уезжала отдыхать всегда в один и тот же санаторий в одно и то же время. Так было последние десять лет, и убитая Татьяна Сочельникова не могла этого не знать. А зачем-то на дачу все равно поехала. Зачем? Зачем ехать на дачу, если даже ключей от дома не было? Подступеньками крыльца и стрехой крыши их никто не оставлял, да до крыши и дотянуться не было никакой возможности, дом был двухэтажным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.